

АРИАДНА БОРИСОВА

ЛЮДИ С СОЛНЕЧНЫМИ ПОВОДЬЯМИ

Этническое фэнтези

Ариадна Борисова

Люди с солнечными поводьями

«ЭКСМО»

2010

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Борисова А. В.

Люди с солнечными поводьями / А. В. Борисова — «Эксмо»,
2010 — (Этническое фэнтези)

ISBN 978-5-699-82594-3

Отправившись в опасный поход, Хорсун оставил дома беременную жену Нарьяну, а вернувшись, не застал ни женщину, ни ребенка. Говорят, их похитили духи. Не зря Нарьяна, наследница по крови династии могущественных шаманок, чувствовала беду. Зло преследовало их еще не рожденного ребенка, в котором ярким цветком должен вспыхнуть наследственный дар. И тогда могучий воин Хорсун поклялся, что если не спасет любимых, то хотя бы отомстит за них.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82594-3

© Борисова А. В., 2010
© Эксмо, 2010

Содержание

Люди с солнечными поводьями	6
Домм[3] первого вечера	7
Домм второго вечера	16
Домм третьего вечера	27
Домм четвертого вечера	37
Домм пятого вечера	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Ариадна Борисова

Люди с солнечными поводьями

© Борисова А., 2016 © Исаева О., иллюстрация, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Люди с солнечными поводьями

Сказание первое

Говорят, после создания богов, духов и многого сущего Творец слепил из небесных лучей священного коня Дэсегея с солнечными поводьями за спиной. Конь был чист плотью и нежен мыслями, знал только добро и не ведал зла. Потом на свет произошел трехликий, четвероногий кузнец Кудай. Мастер воспевал красоту, ковал джогуры¹ и прекрасно знал, где добро, а где зло. Чуть позже появился человек. Он умел ценить радость жизни, но плохо отличал добро от зла.

Стали рождаться на Орто² люди рода Дэсегея – люди саха с солнечными поводьями за спиной, наследники Кудая мастера. В их душах нашлось место добру и злу, но у каждого оказалась своя мера тому и другому.

Толковник переводных слов и определений со сведениями о народах, населяющих северо-восточную часть Орто, о божествах, духах и др. находится на последних страницах книги.

¹ Джогур – высшее мастерство, дар делать то, чего не умеют другие.

² Орто – Срединная земля или Срединный мир (людей) между Верхним миром богов и Нижним, населенным нечистью. Орто – вообще все среднее, находящееся посередине.

Домм³ первого вечера Мирная долина

Взойдя по-осеннему поздно, солнце поторопилось бросить на Срединную землю лучи-поводья. Солнечная дорожка протянулась поперек Большой Реки от широкого берега Эрги-Эн⁴ до противоположной долины Элэн, замкнутой неприступной стеною причудливо сбитых утесов. За крутым каменным мысом непосвященному трудно приметить тихий залив, прячущийся в изгибе. Чуть ниже под прикрытием елового перешейка в бабушку-реку впадает горная речка Бегунья. От залива до Элен всего один пеший кёс⁵. Чужаки, прибывшие сюда впервые, удивляются здешним просторам. Привольно раскинулись в озерных алáсах⁶ усадьбы шести аймаков⁷, самое крупное по Большой Реке обиталище племени саха – людей с солнечными поводьями за спиной.

Есть в этих славных местах все, чем только может похвалиться Великий лес-тайга, – от высоченных лиственниц, какие редко где встретишь, до горячих ручьев. А если говорить об эленцах, потомках божественного коня Дэсегея, то хоть от луны до луны рассказывай о доблестных бóтурах⁸, певцах-сказителях, искусниках по всякому ремеслу и просто добрых людях – не поведаешь и половины.

Каждое пятое лето левый необитаемый берег Эрги-Эн становится крикливым и пестрым. Менялы, перекупщики, кочевники, мастера и досужие людишки из разных начал-концов Великого леса собираются на торжища. Нынче отшумел очередной базар, вместе с пользой и весельем неизбежно несущий беспокойство народу Элен.

Третье колено сменилось после сражения с иноземцами гилэтами, нарушителями мирной торговой сделки, но все еще никто не косит тучные травы на Поле Скорби, где случился кровопролитный бой с внезапно грянувшими врагами. Старики хорошо помнят, как на подмогу воинам вышли тогда все жители аймаков – от дедов до женщин, чьи руки крепко держали топоры и охотничьи копы да умели натянуть тетиву. Страсть сколько людей с обеих сторон полегло, сколько позже от ран скончалось. Войско захватчиков, разбитое в треть, бежало с позором. По сие время ни один торговец из клятвопреступного племени носа не кажет в Эрги-Эн.

Говорят, когда народ прощался с погибшими, прогремел гром и знак молнии выступил на лицах мертвых героев. Это конь Дэсегей скакал по полю, горюя о своих детях, и помечал их светозарными следами славы, а за спиной его развевались огненные поводья. С тех пор Хозяйки Круга⁹, носительницы земных тайн и горшечного ремесла, начали вырезать на правой

³ Домм – сказание, история, книга. **Домм – небесный звук, издаваемый изжитыми на Земле отрезками времени.

⁴ Эрги-Эн – место проведения всенародного базара.

⁵ Кёс (кес) – мера расстояния и времени пути верхом на коне, на быке и пешим ходом.

⁶ Алáс – луговая низина в обрамлении тайги, обычно с озером, удобная для поселения, сенокоса, проведения праздников и собраний.

⁷ Аймак – селенье, в котором живут люди, связанные обширным родством.

⁸ Бóтур – воин, прошедший ратное Посвящение.

⁹ Хозяйки Круга – почтенные горшечницы, хранительницы девяти основных заповедей человеческого бытия, жрицы и врачевательницы триединой души Земли: ее почвы, воды и воздуха.

щеке воинов знаки памяти о битве с гилэтской армией. Молниеносными называют витязей Элен из-за белых зигзагов рубцов на смуглой коже.

Прах павших, своих и чужих, покоится в двух курганах за Полем Скорби. Вездесущие мальчишки, вопреки запретам, рыщут по местам великой сечи, находя в густой траве ржавые обломки мечей и наконечники копий. Во время праздника Новой весны¹⁰ сказители состязаются в звонкоречивом искусстве олонхоб¹¹ – поют-рассказывают предания о героях истекших весен. Озаренные высоким знанием жрецы испрашивают милости и снисхождения к людям, вознося благодарность Белому Творцу, светлым богам и добрым духам за спокойствие в Элен. Мирно течет в долине несуетливая жизнь, отлаженная заветами предков, справедливым правлением аймачных¹² старшин и напутствием озаренных.

При всем том понятно: безмятежность – достояние хрупкое. Эленцы не собираются распускать дружину, возглавляемую багалыком¹³ Хорсуном. В густом еловом бору у речки Бегуны укрывается выгнутая дугою двухрядная крепость, защищающая подход к долине с юго-востока. За вершинами высоких деревьев таятся сторожевые вежи. В укромном урочище расположилась воинская застава: просторная Двенадцатистолбовая юрта холостых ратников и семейные дворы.

О допрежнем времени, когда ботурам запрещалось жениться, вспоминают лишь те ветхие старцы, чья молодая весна совпала с первым торжищем в Эрги-Эн. Может, оно и правильно было в ту пору нескончаемых распрей с враждебными северными одноплеменниками и другими народами Великого леса. Все меньше вдовилось жен, сиротилось детей. Но нет худа без добра: поубавились междоусобицы после гилэтского вероломства. Теперь в заставе, как в любом аймаке, не редкостью стали веселые свадьбы.

Народ Элен кормил дружину сытно, поставлял ей сильных жеребцов и ратное снаряжение. Семь опытных табунщиков присматривали за норовистыми стадами. Особый отряд бойцов отвечал за воинскую выучку лошадей. Густо висело оружие на колышках, вбитых в двенадцать столбов юрты ботуров. Наставники обучали молодых искусству сражений. На алесе у священного Камня Предков проходили под осень боевые испытания, и там же совершалось Посвящение в воины. Росла в числе и мощи рожденная в мирное время дружина, несла честную стражу. Люди в долине знали: багалык всегда начеку, войско спит чутко. Случись что лихой ночью, молниеносные собрались бы во всеоружии с быстротою прилива, не больше шума производя, чем волны, тревожащие песок. Но боги пока миловали – не случилось. Меж тем не слишком-то по душе приходилось витязям вольготное житье. Тоскуя по битвам, многие успели сменить черный волос на пегий, а пегий на белый. Попусту шли учения и служба, не с кем было схлестнуться в боевой стычке. В ристалищах можно проверить умение и сноровку, а как обнаружить в себе настоящую бранную храбрость? Разве что изредка попросят помощи соседи, живущие в верховьях реки. Нет-нет да ограбят их окраинные аймаки нечестивцы барлоры...

Неизвестно, в каком месте беспредельного леса гнездится это лихое разбойничье племя. Барлоры считают себя детьми Златоглазой волчицы, их песни похожи на волчий вой, а шаги легки, как поступь теней. Налетают стаями и пропадают так же стремительно и бесследно. Гоняться за ними – все равно что ловить ветер руками... Ну, бывает, иной раз на стойбища тонгогов, бродящих вдоль-поперек по Великому лесу с оленными стадами, нападают ватаги хориту – людей с узорными лицами. Давно, еще до отправления торжищ, иноплеменники хориту явились с неведомой стороны и потеснили кочевников с ягелевых пастбищ. Тонготы и ньгамендри были в то время одним народом, но отчего-то разделились и убрались в разные стороны. После

¹⁰ Праздник Новой весны – торжество вершины года (древние якуты считали годы по веснам), отмечается во второй половине июня.

¹¹ Олонхоб – якутский героический эпос, а также отдельное эпическое сказание.

¹² Аймачный (старшина) – глава аймака, рода.

¹³ Багалык – воевода.

выяснилось, что совсем разошлись, взяли себе отдельные прозвания и перестали признавать друг друга. А тогда, перед уходом из родных мест, в отместку прищельцам спалили лес за своей спиной.

Девять весен горел лес. На обширном пространстве гари образовалось множество травяных пойма и низин. Терпеливые хориту дождались и по-хозяйски устроились на плодородных аласах, поселились у карасевых озер, начали разводить лошадей и рогатый скот. Бытование их во многом схоже с жизнью людей саха. Правда, болтают, что есть у чужаков странные обычаи, супротивные человеческому естеству: умерщвлять немощных стариков, дабы не тратить на них время и пищу. А еще, откармливая собственных дочерей до кобылей тучности, съедать их во время празднования Новой весны, распевая веселые песни...

Хориту дружат с шаялами и вроде взялись влить свежую кровь в их малочадный, тающий на Земле род. Шаялы превосходят высотой людей других племен Великого леса на полторы головы, а низкорослых тонготов и нгамендри – на две. Плечевой разворот великанов равен росту среднего мужчины саха, если положить его поперек на широченную шаяльскую грудь. Сильны большие люди необычайно, но доверчивы и глупы. Говорят, эти дурни с ребячьими мозгами собирают солнечные лучи в кожаные бурдюки, глухо закупоривают их и, открывая в темных жилищах, дивятся изворотливости сбежавшего света. А когда ладят подпорки для своих землянок, смазывают маслом короткие бревна и тянут изо всех сил с разных концов, чтобы, смягчившись, они сделались длиннее.

Ой да мало ли досужих басен о несусазицах всяких племен! О народе саха тоже носится немало нелепых рассказов. Тонготские воины так насмешничают над ботурами Элен: «Утром и вечером молниеносный ботур, выпив ведро масла, съев котел мяса, вылезает из Двенадцатистолбовой юрты. Слезно просит у южного ветра досады, у восточного – осады, у западного – нападения, у северного – наказания. Глядит кругом, а всё не исполняются мечты. Тогда могучий ботур сам идет навстречу бедам. Ох и грозный же, ох непобедимый!.. Только не суждено доехать – первый же ветерок валит его с ног долой!»

Обидная подковырка, но не причина для драки. Тонготская орда шутит, да понимает: попробуй-ка напасть на долину – мощное войско сотрет дерзких с лица земли.

С великой надеждой ждут ботуры чужого лиха. Заранее прикидывают, кого воевода пошлет сражаться, кому улыбнется ратное счастье. Бойцы, вернувшиеся с редких сшибок, похваляются подвигами и ранами, хвастают благодарственными дарами спасенных. А порою, если защищать некого слишком уж долго, скучающая младая чадь, к стыду багалыка и отрядных старшин, сама задирает парней хориту, тонготов и даже соседей-соплеменников. Поэтому Большой сход Элен решил отправить нынче на оленнюю охоту по северным протокам не половину, как обычно, а все войско. Хватит в заставе и незначительной стражи. Кого бояться? Пусть дружина на всю зиму запасет мяса для людей долины, а заодно утолит добычей багровую жажду. Ботуры – лучшие охотники, умеют умертвить зверя так быстро и мягко, что дух его и боли не успевает почувствовать. Ничто не оскверняет взыскательных глаз Бай-Байанай¹⁴, когда промысел правят воины, потомки древних охотничьих родов.

Пошел первый день Месяца опадания листвы¹⁵. Мясо у диких оленей в это время самое вкусное, успевший отлупить мех блестящий и темный, кожа крепкая. Нажировавшись на богатых сочными водорослями озерах островов, ветвисторогие возвращаются в тайгу. Охотники с луками и копьями будут ждать их у речных переправ. Может, посчастливится добыть и других, имеющих кровь: красавцев изюбрей, лопаторогих лосей, медведей, вдоволь налакомившихся масляными кедровыми орешками. Никто из воинов не хотел оставаться в заставе.

¹⁴ Бай-Байанай – дух леса и охоты.

¹⁵ Месяц опадания листвы – сентябрь.

– Не от кого стеречь! – кричали, охваченные охотничьим пылом. – Даром сидим на довольствии, в глаза людям смотреть совестно!

Багалык Хорсун не стал сам назначать стражей, велел бросить жребий. Щепки с угольными метками вытянули из шапки рыжий Кугас и, будто нарочно, его младший брат Дублан. Парень чуть не взревел от обиды, но делать нечего, раз уж так выпало. Знать, сам Дилгá¹⁶ вздумал подшутить над братьями. Оба они, а затем вся дружина вопрошающе воззрились на Хорсуна: сам-то идет ли? Нарьяна, его молодая жена, на сносях. Всем ведомо было, что главный жрец воспротивился отъезду багалыка.

...За день до отправки войска старейшина долины плотник Силис собрал Малый сход¹⁷ в своей юрте, в аймаке Горячий Ручей. Хорсун легко убедил старшин оставить в заставе всего двоих воинов:

– Не такое великое время сезонной охоты – десять дней. Вокруг спокойно, не должно случиться плохому. Кто вспомнит, когда приключалась последняя напасть?

Старшины задумались. Потом коваль Тимир, старшина кузнечного селенья Крылатая Лощина, усмехнулся:

– Помню разве только, как упряжной бык лодыря Манихая, с полными дров санями, в медвежью яму ухнул позапрошлой весной. Слава богам, яма была без кольев. Наш олух кинулся сани тащить и сам свалился... Вот была беда так беда – весь аймак с детьми и стариками примчался дурня вызволять! После дивились, что бык невредим, а Манихай исхитрился руку сломать да жилы на лодыжке надорвал. Ох и довольный ходил! До осени с полным правом палец о палец не ударил...

Посмеялись.

– Что ж, достаточно будет двоих охранников, – кивнул Хорсуну старейшина Силис, и аймачные согласились.

Сход уже собрался разойтись, как вдруг главный жрец Санда́л, подрагивая увечным веком, громко напомнил Хорсуну:

– Услышим ли глас одобрения предков? Жена твоя в бремени, грех тащить за собой в лесную невинность мутный сквозняк женской немочи. Незачем гневить таежного духа, переступать через запрет. Остаться надо тебе.

Старшины тревожно помалкивали, не зная, чью сторону взять. Потупив было голову, Хорсун поднял на них яростные глаза, но ничего не сказал. Резко повернулся и четырьмя шагами пересек широкую юрту. Не простившись, хлопнул дверью, аж дрогнули крепкие стены и посыпались плотницкие заготовки Силиса с полок.

– Дом-то мой за что наказал? – сокрушенно развел руками старейшина.

И вот дружина безгласно смотрела на багалыка, ожидая его веского слова.

– Чего уставились, будто на темени у меня свил гнездо красноносый журавль стерх? – обронил Хорсун, обедая воинство тяжким взором.

– А ничего, – ответил за всех рыжий Кугас не без тайного сожаления, сразу потеряв надежду на то, что багалык останется с ним и Дуоланом. – Думали, ты, как всегда любезный и кроткий, слушаешься озаренного Творцом...

Ботуры дружно захохотали. Всем было известно: багалык скорее даст себе палец отрубить, чем начнет кланяться Санда́лу и выполнять все его наказания.

¹⁶ Дилгá – божество, управляющее судьбой племени и каждого человека.

¹⁷ На Малый сход, в отличие от Большого – общего собрания населения, собираются только облеченные властью.

* * *

Жрецы благословляли дружину к добыче и кропили воинов жертвенным маслом. Хорсун отсиживался дома. Даже не поглядел в окошко на разведенный у Двенадцатистолбовой юрты очищающий костер. Привлек на колени жену, хотя перед охотничьим походом к женщинам и приближаться нельзя, обнял крепко-крепко. Шепнул на ушко заветные слова, какие она от него только дважды слышала за три их семейные весны: раз – в свадебный день, второй – когда призналась, что не пустая, и вот – третий... Нагнулся и прильнул щекой к жениному животу, приложил чуткое ухо. У Нарьяны горло перехватило от щедрости редкой ласки – суров был муж! – и ребенок торкнулся от нехватки дыхания.

– Сын меня пнул, – засмеялся багалык. Спросил: – Поди, скоро?

– Не должно, – зарделась Нарьяна, – тебя дождусь.

Уткнулась лицом в его жесткие волосы, стянутые ремешком в короткую косицу. В прядях косицы пряталась медная трубочка. Маленький, но сильный оберег, с заключенным в нем пером священной птицы Эксэжю¹⁸.

Посидели молча, слушая сердца друг друга и третьего,жданного, соединяющего их. Потом Хорсун встал, и Нарьяна поняла – теперь не смей подходить. Тихо ушла за ровдужную занавеску на левой, женской половине дома. Занялась шитьем, чтобы не мешать мужу готовиться к дороге.

Разведя в камельке жаркое пламя, Хорсун начал обряд очищения. Достал с матицы охотничьего идола, смочил ему рот кобыльей кровью. Долго молился-кланялся хозяину огня и лесному духу. Встряхивал одежду и снасти над волнисто курящимися с краю тягла ветками можжевельника. Старательно обволакивал ноги отгоняющим нечисть благовонным дымком чабреца. Брызгал в четыре стороны топленным маслом, в огонь подливал и себя не забыл помазать. Оделся-собрался, прочел заклинание лицом к двери. Кинул, не оборачиваясь:

– Жди.

И вышел.

Нарьяна не осмелилась выбежать вслед. Взметнулась к окну, высматривая гнедого коня Аргыса с белым пятном на лбу, мужа в волчьей дохе, в новой бобровой шапке. Сама шила шапку, с благословениями закрепляла медный круг-солнце на тулье. В любой толпе нетрудно найти багалыка – высок и могуч. Воины возле него что дети малые, да и Аргыс внушительнее остальных коней.

Хорсун взмахнул рукой, прокричал что-то дружине, и всадники повернули к речке Бегунье. Поскакали по горной тропе, ведущей к утесу Каменный Палец и дальше, за скалистые гряды, к рекам, текущим по ничейным равнинам. Нарьяна заметила, что выючных лошадей взяли вдвое больше назначенного. Уж очень, видно, хотелось багалыку сполна выполнить наказ схода, чтобы люди долины легко пережили Голодный месяц¹⁹. Пусть же не скупится Бай-Бай-анай, даритель промысловой удачи!

* * *

Кони двигались слаженно и бесшумно, где легкой трусцой, где укрощенным шагом. Воины сидели в седлах как влитые. За спинами покачивался лес копий, сверкали медные и железные котлы, крепленные ремешками к хитрым заплечным обручам, обтянутым дубленой

¹⁸ Эксэжю – божественный орел, беркут с четырьмя головами и восемью крыльями. Эксэжю – звезда Денеб в созвездии Лебедя.

¹⁹ Голодный месяц – февраль.

кожей. Хорош в походе такой обруч, не тяжко носить с ним добычу и вещи, а на привалах он и стол, и блюдо для мяса и рыбы. Если же негаданная военная нужда повелит – вместо щита сгодится.

Дай волю – взорвались бы молодцы шутками и смехом в предвкушении охотничьих страстей, но в лесу не смеются громко. Лишь неудержимые улыбки светились на блестящих от жертвенного масла щеках, сдвигая к скулам крутые зигзаги молний. Хорсун тоже улыбался, любуясь доброй дружиной. Однако в душе багалыка скребся темный зверек. Правильно ли он сделал, оставив людей без защиты на целых десять дней? Может, следовало покориться доводам сведущего жреца? Не случится ли так, что вернутся ботуры, а защищать будет некого и некого одаривать богатой добычей, равными долями по славному обычаю предков?

Только двое стражей охраняют Элен, если не считать жены рыжего Кугаса могучей Модун и дружинного мясовара Асчита. Но ведь какой бы сильной и ловкой ни была Модун, она все-таки женщина, не посвященный воин. А веселый толстяк Асчит совсем не любит драться. Все его думы о пополнении мясных ледников, погребков с молочной пищей и осенней заготовке съедобных кореньев.

Сердце Хорсуна сжалось от нежности: Нарьяна. Женщина со звездами в глазах, что, верил, ему лишь сияли. Жена, любимая до неистового бега в крови, до сладкой боли в предсердье, лишь произнесешь ее имя... Покинул! Удрал в самое для нее нелегкое время. Азарт охоты, а пуше того нежелание подчиниться жрецам оказались сильнее семейных забот и покоя в долине... Упрямый!.. Не знающий к жене жалости, мнящий о себе высоко!

Так ругал себя багалык, сидя в седле с прямой спиной и застывшей на лице улыбкой.

Свернув к Скале Удаганки²⁰, Хорсун придержал Аргыса, дождался, когда воины уйдут вперед. Достал из подвешенного к поясу кошель взятый из дома пучок белых конских волос, забросил его за валун, прикрывающий сбоку вход в маленькую пещеру. Пусть хранит долину, жену Нарьяну и ребенка оберег священного Дэсегея. Наклонив голову к сложенным ладоням, произнес краткое заклинание. Прости, Белый Творец. Прости и ты, удаганка, жрица солнечного огня...

Однажды на празднике Новой весны приезжий олонхосут²¹ рассказывал легенду о жрице и происхождении созвездий. Все знали древнее предание, но слушать было приятно. Связные украшения к словам подобрал старик, мало кто так умеет. Вот и Хорсун горазд сложить в уме пригожие мысли, а вслух молвить – неуклюжим становится робкий язык, от неловкости загораются щеки. Да и зачем ему? Разве что пересказывать сказку через пять весен сыну, остальным детям, если впоследствии даст их Творец.

В оный век, когда подлунный мир был не толще, чем коня хребет, а реки играющий ручей мчался по песчаной борозде, удаганка старая жила, что лепила чаши с крепким дном, с яркими лучами на боках. Рода жрицы той никто не знал, имени теперь я не скажу, только имя лошади ее помнится – Крылатая Иллэ²², да осталась в памяти людей женицины диковинная смерть, ибо невозможно позабыть и за двадцать канувших колен, что тогда случилось на Орто.

Холодом на сердце ощутив близость вечно алчущей Ёлю²³, жрица перемолвилась с Иллэ, и взмахнула та крылом в ответ, дымкой улета в небеса. Женщина велела возвести слева от особенной скалы, где всегда камлала на заре, арангас²⁴ на листовенничных пнях – наверху

²⁰ Удаганка – шаманка, жрица небесного огня.

²¹ Олонхосут – исполнитель олонхо.

²² Крылатая Иллэ – волшебная кобылица с лебяжьими крыльями, мать летучего табуна удаганок.

²³ Ёлю – дух смерти. Известен в облике одноглазой одноногой старухи.

²⁴ Арангас – могильный помост с колодой – «колыбелью» покойника. Арангас – созвездие Большой Медведицы.

с колодой вырезной, изголовьем к северным краям. Облечившись в светлую доху, чашу прихватила с восемью яркими лучами на боках, завернулась с головы до ног в полотно из белой бересты и легла в глухой древесный одр, как во чрево матери дитя.

Ночью той затеялся буран, наметавший снега аж до крыши, топорами снег пришлось рубить, чтобы выйти из остывших юрт. Умерли все те, кто не сумел истощенный подкормить очаг. Слабых души печальный хоровод, сделав над Орто последний круг, в мир надзвездный тихо просквозил и оставил хладные тела под надзором смерти и зимы.

Девять дней и девять же ночей отступили в Коновязь Времен²⁵, и кому-то вылезть удалось из сугроба, выдолбив дыру. Глядь – летает жрица над Элен на колоде вырезной верхом, ветер кличет, к помощи зовет, бубенцами медными звеня!

Не один – все восемь принесли, разрыхлили плотные снега. Солнце довершило их труды – растопило ледяную твердь, и увидел изумленный люд, что свалились камни со скалы, и свершилось чудо из чудес: очертаниями стал утес Удаганки лик напоминать! То же благородное чело, складки век над гнездами глазниц, нос с горбинкой, как при бытии, только все из исполинских глыб...

Там, где плеч громадных разворот уходил подножием во мхи, за большим упавшим валуном впадина глубокая нашлась. Подивились, кто туда зашел: выбоина ладною была, будто человек ее рубил – шире юрт о четырех столбах, выше, чем высокий рост мужчин, с потолком округлым, а внизу – глиною подбитый ровный пол. Чистый горный воздух из щелей, неприметных для дотошных глаз, тихо-тихо колыхался здесь, словно чей-то грустный вздох живой...

В тот благословенный Богом век в каждом уважаемом роду свой имелся чародей-шаман. Вот шаманы вместе собрались и камлали у скалы два дня, а на третий день, допив кумыс из чорона²⁶ в пояс вышиной, приказали девять привести белой масти яловых кобыл.

Подвели табунники едва девять белых лошадей к скале – вспыхнул в тот же миг слепящий свет и пропали кобылицы враз, лишь раздался приглушенный звон то ль копыт, то ль медных бубенцов с неба, вспененного, как кумыс, облаком – предвестником весны...

Столько прибыло весной телят, жеребят веселых развелось, сколько не рождалось до сих пор. Лес-тайга наполнился зверьем, в каждой жаждущей детей семье появились дочки-сыновья!

Печься о могиле стал народ, очищать с нее гнибную прель, покрывать колоду и помост жидкою растопленной смолой, чтобы лиственничные столбы дольше не брала гнилая хворь. Завещали детям арангас в чистоте-исправности беречь...

Вскоре раздобрела плоть Земли, потекла веселая река полноводно в русле золотом. Много славных, доблестных людей, мастеров прибавилось в Элен. А потом другие племена ближе к ней нашли себе приют, знатную долину нарекли Перекрестием живых путей...

Небушко однажды над скалой зазвенело, будто кто-то в медь нежно молоточком застучал, а под утро, как рассвет взошел, одинаковый приснился сон трем умелицам лепить горшки с яркими лучами на боках. Удаганка ветром принеслась на крылатой лошади Иллэ, каждую Хозяйкой назвала, строго наказала сохранять Круг земных законов на Орто.

Дали жрице женичины обет. Попросила их она затем мощи утомленные ее под скалой волшебной закопать. Только яму вырыли, как вдруг двинулась колода и сама мирно упокоилась в земле – будто на бок туесок упал в бережно раскрытую ладонь, и, рассыпав древние столбы, легкий ветер в небо улетел...

Звездной выдалась глухая ночь. Заприметил кто-то арангас, звездами начертанный вверху, и колоду поодаль узрел, также сотворенную из звезд.

²⁵ Коновязь Времен – прозрачное навершие мирового древа Ал-Кудук на девятом ярусе небес. Боги привязывают к нему своих лошадей. В Коновязь Времен со звуком «домм» падает отжившее время, из которого складывается вещество вечности.

²⁶ Чорон – священный кубок амфорной формы, символизирующий голову лошади. Предназначен исключительно для питья кумыса.

Арангас с Колодой²⁷ и теперь вспыхивают ночью над Элен, а в Кругу Воителя²⁸, дымясь звездной пылью пышиного хвоста, светится Крылатая Иллэ. Яркое сияние рядом льет Северная Чаша²⁹ – так зовут люди путеводную звезду с восемью лучами по бокам. Видная со всех сторон, она украшает крону Ал-Кудук³⁰ – дерева трех воинственных миров. Там орел Смотрящий Эксэкио³¹ сквозь шатер хвои стремится к Элен взор восьми немеркнущих очей.

С той поры, как в небесах возник Удаганки звездный Арангас, перестали умерших своих люди вешать на ветвях деревьев в шкурах шеститравных кобылиц. Начали покойных погребать головою к северу в земле, уложив, как в туес, в бересту. На помостах хоронить теперь стал народ шаманов, да и тех, если только славились они добрыми делами на Орто, а недобрых – предают огню с утварью волшебной и эсильем, дабы в пепел извести их вред. Над воителями – лишь курган, всем ветрам открытый и простой высится, чтоб души без препон, с лошадьми, оружием боевым в войско занебесное ушли.

Век Хозяек кончится одних – и другие три встают на пост, крепко заповедный Круг хранят, берегут от немочей-хвороб воздух, воду, почву и тайгу.

Ох, помыслить страшно, что грядет, коль забудется заветный Круг! Солнце скроется, шатнется мир, звезд осколки, с гору высотой, с неба сотрясенного падут, и неслыханный наступит век холода и жуткой темноты! Искажится человеческий нрав, истончатся рубежи миров, бесы, вылезшие из Джайаи³², станут, как хозяева, гулять в неприметном облике людском по больной, изъязвленной Орто!.. И друг с другом воевать пойдут племена, аймаки, брат с сестрой, и восстанут жены на мужей, и прогонят сыновья отцов! В нерестовых реках забуллит кипень красная кровавых волн, ядовитый поползет туман, насылая поголовный мор на людей, стада, зверье в лесу!..

Лишь когда истерзанный народ воскресит в умах забытый Круг – девять заповедей до одной, – голодающим еду раздаст, приведет озябших к очагу, сердцем к сирым повернется вновь, – вот тогда наладит бог судьбы искривленный демонами путь и рассеет без следа туман, насылающий недуг и смерть. Сущее воспрянет к бытию, плоть Земли очистится от язв, воздух станет легким и вода вкусной, как парное молоко! Воссияет солнце, а в ночи – Северная Чаша, что кумыс счастья человеческого хранит, и настанет новая пора – время всеобъемлющей любви на прекрасной молодой Орто!

Очнувшись, Хорсун пустил коня легкой рысцей, догоняя дружину. Во-он она уже где, пока он молился и тешил-расчесывал виноватые мысли, вспоминая старую сказку. Вперед ускакали бравые охотники по извилистому подъему к утесу Каменный Палец. Стука копыт не слышно в изменчивом эхе. Видно лишь, как переливаются мышцы под кожей конских крупов да хвосты развеивает носящийся в ущельях и скалах живущий здесь ветер, младший брат восьми могучих ветров.

Все же странные в этом месте скалы! Словно жеребцы-великаны с крутыми загривками взвились на дыбы и застыли, оцепенели навек. А Каменный Палец и вовсе непростой, один такой утес на весь Великий лес-тайгу. Со всех сторон притягивает к себе взоры громадный перст, уставленный в небо, – то ли грозит, то ли напоминает о чем-то... Наверху небольшая покатость, огороженная с восточного бока краем исполинского ногтя. Каждый день на рассвете туда по длиннющей лестнице, вырубленной лучшими мастерами, поднимается главный жрец.

²⁷ Колода – созвездие Малой Медведицы.

²⁸ Круг Воителя – Млечный Путь.

²⁹ Северная Чаша – Полярная звезда.

³⁰ Ал-Кудук – мировое дерево, ось Вселенной.

³¹ Смотрящий Эксэкио – звезда Денеб в созвездии Лебеда.

³² Джайаи – Преисподняя, Нижний мир.

Багалыку хотелось дознаться, какие тайны носит Сандал в своем неискреннем сердце. Почему он, человек из чужого аймака или даже чужого племени, ушел с тех земель, где покоится прах его предков? Что побудило пришлеца выбрать Элен для жреческого обитания, осесть и освоиться в долине? Где он обрел знания озаренного, выучился красноречию? Откуда у него шрам на правой щеке, изувечивший лицо так, что глаз полузакрыт? Из-за этого шрама незнающие люди порой принимают жреца за молниеносного воина.

Много было вопросов, да вряд ли дождешься правдивого ответа от скрытного Сандала.

С юности Хорсун без приязни относился ко всем чародеям. Жизнь – не легенда, обросшая небывальщиной. Жрецы, шаманы, колдуны и ведьмы... словом, те, что считают себя волшебниками, мутят народ на хитрую пользу себе. Хорсун полагал их мошенниками и лжецами. Не верил в дар творить чудеса. Мастерство, думал он, – вот настоящий дар-джогур, не сказки для детей и наивных. Многому способен научиться упорный человек, обладая умной головой и чутьем умелых рук. Нет на свете чудес. Все объяснимо божьим промыслом и помощью духов, а люди тут вовсе ни при чем.

Мимо селенья жрецов Хорсун проехал, гордо подняв голову. Не удостоил и взором гостеприимные коновязи перед гладко мазанными юртами. Догнал дружину на самом гребне и, замыкая конную вереницу, не удержался, обернулся-таки мельком на долину. Снова нарушил небольшой, но все же запрет духа – хозяина дороги: не заворачивать шею назад в начале похода. Цепкого взгляда с такой верхотуры хватило, чтобы обнять милые сердцу места от Поля Скорби до селенья Горячий Ручей... О, родное гнездовье в бережных горных ладонях, спокойная Элен!

Домм второго вечера Сын однорукого

Отец Хорсуна в свое время сражался с гилэтами в легендарной битве на Поле Скорби. Тогдашний багалык велел Хозяйкам Круга одним из первых пометить его лицо знаком-молнией. Враг отрубил правую руку отца. Десница, оторванная от тела, успела на излете отхватить мечом косу молодого гилэта. Жаль, не вкупе с головой срезалась тугая, иссиня-черная косица длиною в три кулака. Теперь она висела в доме на самом высоком колышке правого западного столба над восьмикрылым боевым шлемом багалыка. Маленький золотой меч-оберег, привязанный к вплетенному в волосы ремешку, обманул неприятеля, не принес ему славы.

Лишиться волос для любого воина, здешнего или чужого, – самый большой позор. И почет для бойца, снявшего ее с затылка живого противника. Раньше ратники, говорят, вместе с косами вкруговую сдирали кожу с вражьих голов. Женщины выминали эту победную добычу и шили из нее нарядные переметные сумы. Циновки плели... Считалось, что бог Илбис³³ дарит спящим на гривах врагов дополнительные весны доблестной жизни.

Осрамившийся был багалыком гилэтов. О его главенстве извещали сверкающая золотыми насечками броня, шлем с золотой окаемкой и высоко задранный подбородок избранного повелевать. Будь он истинным воином, пал бы в бою, не снеся позорища. Постарался б забрать с собой в славную смерть столько недругов, сколько дадут Илбис и отвага, тогда молодого вождя с уважением поминали бы свои витязи и ратоборцы заставы Элен, не памятуя о снятой косе. Но он сбежал, этот чужой багалык, повернувшийся к битве спиной. Верно говорят: честь в долг не возьмешь, мастеру не закажешь.

После побоища на Поле Скорби сыскалась гривна бликового серебра с изображением коршуна. Кто-то вспомнил, что летящий коршун красовался и на щите хилого духом гилэтского предводителя. Ботуры сокрушались: слабак и своего птичьего покровителя поверг в бесчестье постыдным побегом. Гривну даже кузнецу на переплавку не отдали, бросили в ямину с трупами врагов.

Своей смертью настоящие воины не умирают. Они погибают в бою, принося себя в жертву богу войны.

За долгие весны осел и раздался прежде крутой курган над прахом поверженных гилэтов и опороченной гривной. Подле высится курган-двойник. Под ним спят земные души эленских героев. И правая отцовская рука. Тоже геройская, хотя всего лишь часть тела, не обладающая отдельной душой. А сам отец вместе со своим беспримерным упрямством похоронен далеко от Элен.

* * *

Когда култышка заросла, однорукий воин ушел из заставы. Сход аймачных старшин положил ему неплохое жалованье одежей и довольствием как победителю и пострадавшему. Он отказался. Не хотел, гордый, избывать оставленный Дилгой срок на дармовом содержании.

³³ Илбис – божество войны и мести.

Построил с помощью родичей добрую юрту в аймаке Крылатая Лощина, женился и обзавелся хозяйством.

Наверное, отец остался бы холостым, не сделайся он калекой. Жене от него перепало не больше внимания, чем любому предмету в доме. Обращался с нею не плохо, не хорошо – никак. Она подарила ему сына – это все, что от нее требовалось. И рождения сына отец ждал не для продолжения рода. Своенравный разум этого независимого человека, поклонявшегося одному только Илбису, хранил никому не излагаемые затеи.

Со временем отец в простых домашних делах натрудил левую руку не хуже чьей-нибудь правой. Сын нередко имел случай убедиться в ее скорости и весе на собственной шкуре. Правда, взрослея и набираясь ума, Хорсун все чаще ощущал тяжесть родительской длани не с болью в затылке, а с одобрением – на плече.

Воинским премудростям отец обучил мальчишку сам. С трех весен, еще плаксивых и нежных, стал будить по утрам плетью. Порка была одно название, но сын рыдал громко и горько – от непостижимости обиды. Бежал жаловаться в левую половину юрты к матери, совсем недавно отлучившей его от груди. Мать отворачивалась, будто чужая, давая понять: так нужно.

– Не позволяй страху и возмущению владеть тобой, не то я забью тебя до смерти! – рычал отец.

Мальчик плакал, хотя двойная плеть устрашающе свистела поверху, не касаясь его спины.

– От плача душе становится тесно, и слезы выносят ее наружу. В разверстой душе гуляет ветер!

Хорсун замолкал. С вспыхнувшим наследным упрямством терпел обиду и начавшие вскользь прилетать удары плети. А скоро уже вскакивал с постели, едва слышав скрип лежанки под могучим отцовским торсом.

Через год домашний мучитель принялся гонять сына бегом по двору. Метал в него деревянные дротики, которые называл стрелами.

– Следи за стрелой. Видишь? Хорошо! А теперь приметь вместе с нею цветок в траве и тучку в небе.

– Не могу! – в отчаянии кричал сын.

Легкая деревяшка летела дугой и кожу не пробивала, но было очень больно.

– Ты что бродишь глазами, человек-мужчина, упился хмельного кумыса?! – вопил отец, забывая, сколько сыну весен. – Вмести во взгляд свой всего одну стрелу, всего одно небо и одну землю! Разве это много?

– Не могу!

Беспощадный смеялся:

– Сможешь!

Не за одну весну приходит к бойцу мастерство. Отец не уставал твердить, что истинное воинское искусство растягивать и сжимать мгновения даруют не боги, а непрестанный труд и терпение.

Отзеленели три весны, прежде чем ученик научился скользить легче тени и отбивать палки маленьким кожаным щитом. Теперь мальчик легко и свободно перетекал из одного движения в другое, как текут-выются в Большой Реке прихотливые волны.

Спустя еще какое-то время отец начал стрелять в Хорсуна из лука. Наконечники стрел были деревянными и круглыми, но тетиву наставник оттягивал почти в полную силу, какую вымуштровал в тех мышцах от плеча до подбородка, что заменяли ему потерянную конечность.

Потом в ход пошли деревянные бóлоты³⁴. По требованию отца Хорсун выстругал их из разного дерева великое множество. Все сломались, не выдержав совсем не ребячьих баталий.

³⁴ Бóлот – якутский меч.

Лишь увесистые листовенничные мечи, выдержанные для крепости в топленом жире, сослужили долгую службу.

Хорсун задыхался от бега в бесплодных усилиях избежать колючих тычков острия. Отец говорил:

– Сцепи зубы. Не вдыхай воздух рывками, иначе он сам начнет рвать лепестки твоих легких. Собери в тугой бутон легкие, печень, сердце, всего себя. Не сжимайся! Бутон – не кулак, он собран, но не напряжен.

– Я – не бутон. Я – мальчик! – протестовал Хорсун, отступая.

– На вид ты просто мальчишка, не спорю. Но твое тело, послушное мыслям, может совершать чудеса. Когда будет нужно, тело покажет тебе: ты есть то, чем вообразил себя. Ты – цветок, стог сена, колючая ель, непробиваемая стена... и даже оружие!

– Оружие? – не верил Хорсун.

– Да, и оружие! Ты волен внушить своей плоти суть любой вещи, животного, растения... Ведь научился же ты ускользать от стрел, как вода? Так сумей стать твердым, как земля, когда плашмя падаешь на нее. Если твердым стукнуть о твердое, ничего, кроме удара, не происходит. Нет никакой боли! А еще лучше – сделайся самым этим сокрушительным ударом. Способность мыслить дана тебе для перевоплощения, воин!

Съежившись, Хорсун жмурил глаза и пробовал представить себя то мечом, то землей...

– Дух твой должен быть спокоен и тело свободно. Тогда глаза увидят то, чего раньше не замечали. Уши услышат на много кёсов вокруг. Спина почует чужой взгляд за миг до того, как тебя обнаружит враг.

– Враг?..

– Встречай его хладнокровно! Спрячь душу поглубже, сам же старайся проникнуть на дно вражьего взгляда. Узри в противнике его нрав и слабое место нрава. Знай: скупой зажат, жадный – нетерпелив, любострастный – порывист. В жестах всякие людские пороки отражаются по-своему. Найди эти изъяны, и они помогут тебе сразить врага.

Сын бился двумя руками, по мечу в каждой. Отец, орудуя одним, приказывал:

– Пляши!

– Зачем?

– Разве бой с мечом не напоминает тебе пляску? Разве ты не знаешь, что она – песня тела? От того, как ты движешься, какой избереешь новый танец – стремительный, плавный, прыгучий или петляющий, – зависит твоя жизнь!

И Хорсун танцевал. Он привык к «песням тела», привык к ежедневной муштре. Скучать было некогда – жизнь наполнялась новыми знаниями.

– Сын! В чем нуждается победа?

– В опытных мастерах боя!

Отец ухмылялся:

– Не думай, что на самого искусного бойца не найдется на войне искуснее его! Опыту нет совершенства.

– Но ведь и войны нет...

– Она может начаться в любое время.

Отец сразу же раскраснелся, будто война, которую он всегда втайне ждал, бросила на него свой кровавый отсвет.

– Только во время сражения воину дано испытать настоящее счастье!

Однажды в поединке отец без предупреждения сменил свой деревянный меч на железный. Хорсун всерьез поверил: дай он маху – и учитель не пощадит. А на следующее утро увидел в изголовье подарок – новый боевой болот в затянутых кожей ножнах.

Но прежде чем применить в учении настоящие мечи, почти всю зиму посвятили занятиям с боевыми батасами³⁵. Испробовали все известные отцу ножевые приемы. Против батаса одно за другим выступали палка, охотничье копьё и деревянный меч. Труднее всего было выстоять безоружным против ножа, а отобрать его у отца и вовсе невозможно. Отец играючи выхватывал оружие у Хорсуна, ни разу не поранив ни его, ни себя. Хорсуну же не удавалось обезоружить отца, как не получалось избежать и порезов на руках.

В ежедневные уроки входил хапсагай³⁶.

– Хапсагай – борьба благородная, без крови. Придумали ее наши предки, чтобы можно было биться без мечей и копий, – объяснял отец. – Оружием были приемы. Они убивали не хуже мечей. В воинском Посвящении знание этих приемов – одно из многих испытаний. На праздниках ты видел, как люди показывают искусство правильно бороться. Разумеется, без смертоубийства... Главное здесь – быстрота. Борьба, как ничто другое, помогает человеку овладевать временем. Постигнув хапсагай, ты сумеешь неуловимо уходить от атак и нападать, с неотвратимой скоростью возникая там, где тебя не ждали. В одном движении скрывается девять. Раз – выверт, два – подсечка, три – твой противник на земле. Этот счет на «три» – то, что зримо людям. Потом ты говоришь себе «четыре». Люди удивляются, что не видят тебя, а ты уже на пути к дому.

На земле, конечно, неизменно оказывался Хорсун. Вскикая, как ему казалось, сей же миг, он видел ухмыляющееся лицо отца. Тот спокойно, нога на ногу, сидел на пороге юрты.

Боролись и просто дрались. Бились на кулаках, лицом к лицу, на расстоянии взмаха, в прыжках наскоком. Разве что не кусались и не царапались. Ноги Хорсуна привыкали двигаться послушно и внимательно, наравне с руками.

О, сколько раз, не сумев извернуться, он получал ужасный тычок в горло! Шея не могла поднять голову, горло захлебывалось слюной. Сколько раз от увесистого шлепка по затылку перед глазами вспыхивали, мерцая, ярко-красные круги! А сколько было оплеух, когда в оглохшей голове начинался трезвон незримых колокольцев!.. При этом Хорсун знал: отец не бьет даже в четверть силы. Его натруженная левая рука за время тренировок стала крупнее и тверже десниц других воинов, словно сама по себе спешила набрать разрушительную мощь.

Между уроками отец перебирал мелкие камешки, насыпанные в кошель, висящий на поясе. Каждый палец руки без труда поднимал тяжелые камни, оплетенные ремешками. Иногда отец крепко сводил пальцы вместе и принимался с силой, будто острием ножа, тыкать в жесткую землю. Ямки, остающиеся от этих упражнений на месте занятий, темнели недолго. Стоило вновь взяться за мечи, как побелевший от соленого пота круг земли, на котором ничего не росло, приминался и выравнивался под ногами.

Украдкой Хорсун тоже пытался продырявить землю пальцами и удивлялся, как она неподатлива. Свирепую силу левши ему было не превозмочь. Отец, наверное, мог запросто вонзить пальцы в горло врагу и одним резким, страшным движением разодрать его пополам...

– Меняйся! – покрикивал отец. – Лети на меня с разбегу, ты – птица! Прыгай, ты – заяц! Рушь меня, ты – медведь! Рассыпай удары: прямой кулаком, круговой сгибом ладони, удар коленом, ногой по моему колену! Бей же, бей, пинай – спереди, сзади, сбоку, наискосок!

Он невозмутимо принимал удары каменно твердым телом, а потом незаметно вздергивал плечом, и сын как подкошенный валился с ног.

– Ты сжимаешь силу комком в одной части тела, поэтому другие места остаются без защиты, – качал головой наставник. – Распредели силу по всему телу. Сам ею стань!

³⁵ Батас – якутский нож. Батасы подразделяются на боевые, охотничьи, хозяйственные. Величина, ширина клинка и длина черня зависят от предназначения.

³⁶ Хапсагай – древняя военно-спортивная борьба.

Учеба крепко вбуравливалась в тело и душу и уносила время. Если бы Хорсуна спросили, когда траву во дворе сменил снег и снова успела вырасти трава, он, пожалуй, затруднился бы ответить. Костяк его постепенно обретал звериную гибкость, а остатки мягкого мяса превратились в каленую плоть, из которой до капли выжималось все детское.

Пробегая в коровник мимо сражающихся домочадцев, мать зажимала глаза и зажимала уши. Она боялась даже коротких воинственных воплей, не то что ударов. Женщине чудилось, что драчуны сейчас прикончат друг друга. Но возражать против страшных занятий она не отваживалась. Не смела подступить со снадобьями и робкой лаской к вечно подраненному сыну и равнодушному мужу.

Хорсун догадывался, что отцовское предпочтение пало на мать из-за ее стеснительности и немногословия. Покалеченный ботур взял долговязую девку-перестарку, не чаявшую уже, что кто-нибудь сведет с братнего двора. Она была благодарна воину. Она его боготворила.

Когда парень пришел в юный возраст, отец сказал:

– Я сделал для тебя все, что сумел. Ты сделал для меня все, что смог. Пусть дальше нас обоих проверит Дилга.

И сын понял, что они учились вместе: он – воинскому искусству, отец – искусству одно-рукого воина.

* * *

Отец отправился на редко посещаемую им заставу и поверг ботуров в изумление, проведя несколько кулачных боев. Одного за другим поколотил всех насмешливых молодых добровольцев. Тогда вышел один из признанных силачей. Ухмылялся, играя бугристыми плечами, превосходящими отцовские в развороте. Не то чтоб хотел помериться силами, а решил слегка поразмяться, проучить зарвавшегося калеку.

Хорсун следил за поединком с дерева. Впервые довелось со стороны наблюдать за вкрадчивыми шагами на вид вовсе не быстрого отца. В какой-то миг почудилось, что он стал мельче и тоньше. Будто превратился в худощавого, невысокого человека, чьи движения столь же неуловимы, сколь метки. Казалось, одной руки достаточно, правая была бы лишней. Вспомнились отцовские слова: «По мере надобности руки должны становиться тяжелее булыжин и легче крыльев. Так же и ноги. У живота свое умение – твердеть мышцами, чтобы чужой кулак отлетал от него, как от упругой моховой кочки!»

Бой шел долго. Кровавой юшкой изошли оба, засинели подглазьями и после недосчитались зубов. Силач, поднапрягшись, обхватил отца руками и поднял над головой... Ох и сверзит же сейчас на землю друзьям на потеху!

«Раз», – подумал Хорсун, и сердце его захолонуло.

«Два», – однорукий совсем несильно пнул хвастуна в лоб.

«Три!» – верзила с яростным ревом покатился по земле.

«Четыре...» – глазам не верилось: отец мирно шагал по дороге, направившись, видно, домой.

Наградой победителю стало приглашение в военный поход. Отряд ботуров собирался надолго отвадить разбойников барлоров от поселений, расположенных в верхнем течении Большой Реки. Тамошние жители не имели своей рати и ждали заступников. Нечестивые крали у них табуны и резали стада. Людей старались не убивать. Но лучше бы убивали. Женщин тати брали силой, а мужчин угоняли к мандрам, чьи земли находятся в преддвериях Великого леса. Мандры метили пленников таврами, как скот, и в свою очередь поставляли гилэтам. Несчастных ожидало рабство – самое страшное, что только мыслимо сотворить с людьми.

Не удалось ботурам найти главное гнездо-средоточье барлоров. Уж очень хорошо оно было упрятано. Но за весну все же настигли и уничтожили несколько мелких шаек, разбросан-

ных в тайге по верховьям, и одну большую. На много ночлегов пути Великий лес очистился от волков в человеческом обличье. Однако пострадал и отряд молниеносных. Восемь посланцев не вернулись в родную долину.

Первым из погибших отрядный старшой, опустив глаза, назвал Смеющегося левшу. Такое прозвище, говорят, дали отцу люди окраинных аймаков. Он дрался как бешеный и все время смеялся. Его не брали мечи. Тело воина было словно заговорено. Сразила отца стрела с граненым наконечником. Спустивший ее оказался великим умельцем ходить по лесу бесшумно. Острый слух изменил ботуру. Может, из-за смеха... Не различил шороха шагов по каменистой тропе, не уловил свиста стрелы. Она вошла под левую ключицу меж костяными пластинами кольчуги легко, будто нож в игре, кинутый в землю. Знаменитая рука левши как раз выдернула копье из груди очередного врага. Успел обернуться к стрелку и весело потряс копьем.

Рассказывали, что лицо мертвого отца, осчастливленного доброй битвой, сияло. В тот день ему всласть довелось пострелять и порубиться. Все молниеносные мечтают о столь достойном завершении земного Круга. В этом и есть высокое предназначение воителя – погибнуть с оружием в руках, спасая чье-то имущество. Чье-то здоровье... жизнь... честь.

Отрядник с поклоном подал матери оберег с косы погибшего мужа – полую медную трубочку с замкнутым пером орла. Мать не заплакала. Только низко нагнула голову:

– Я знала.

Она пережила однорукого на месяц. Умерла от болезни горла, перекрывающей дыхание. Шаман Тербүт, аймачный старшина селенья Горячий Ручей, опоздал с помощью. Предупредил, что болезнь переходчива и может на кого-нибудь перенестись, если похоронить почившую от нее в земле. Велел сжечь дом вместе с телом.

Хорсун так и сделал. На третий день попрощался с матерью, с ее витающей в левой половине жилья освобожденной душой, уже не принадлежащей ей на Орто. Не взял из дома ничего, кроме даренного отцом меча, охотничьего лука с колчаном и гилэтской косы. Вплел в свои волосы орлиный оберег...

Огонь занялся быстро. К ночи юрта и все дворовые постройки сгорели дотла. Остались лишь обугленные пятна на земле в том месте, где прежде стояла усадьба. Утром Хорсун отдал живность соседям и ушел в заставу – навсегда.

Багалык подивился воинским навыкам мальчишки. Пошел на редкую уступку: позволил пройти Посвящение без положенного срока ученичества. За девять испытательных дней Хорсун показал все свои умения. Не было здесь того, чего бы он не смог одолеть в честной борьбе. В конных скачках, метании копий, хапсагае, кулачном бою, битвах с батасами и мечами оказался лучшим из лучших. Только в ответах на лукавые вопросы, требующие не столько знаний, сколько скорости и смекалки, пару раз промахнулся.

Старые ботуры с одобрением поглядывали на паренька, поразившего самые дальние цели из лука. Цокали языками, рассматривая во время очищения огнем его испещренное мелкими шрамами жилистое тело. Понятливо и уважительно кивали седыми головами, узнав, чей он сын.

Вместе с Хорсуном пробу проходили потомки старинных воинских родов – рыжий Кугас и плечистый, крепко скроенный Быгдэй. Они тоже обнаружили серьезную подготовку. Знать, не только мясовару помогали, прислуживая за столом три маетные учебные весны. Но Хорсун осилил испытания легче, хотя тогда был щуплым и возрастом младше.

Правящие главное таинство обряда Хозяйки Круга остались довольны всеми тремя. К правому бедру Хорсуна привесили воинский колчан, оснащенный девятью стрелами. Надели на большой палец левой руки ремешок с роговой пластинкой, защищающей от ударов тетивы. Судя по оперению в новеньких колчанах Кугаса и Быгдая, на долю каждого из них тоже пришлось по девять стрел.

Девять – священное число. Девять месяцев носит женщина дитя в себе. Девять ярусов небес возвышается над Орто. На девятом живет Белый Творец... Если вдруг грянет военная беда, стрел в колчане будет девять раз по девять.

Позже в дружине из уст в уста передавали слова багалыка о том, что за все время его правления не встречалось юношей, показавших себя более ловкими и выносливыми. И еще будто бы добавил багалык:

– Нравы Быгдая и Кугаса нам хорошо известны. Теперь узнаем, каков сын однорукого. Поглядим, не успел ли он отвердеть душою так же, как кожей.

* * *

В оные весны посвященных случалось до восьми человек. После завершающего смотра на учебном аласе учиняли гулянья с удалыми забавами и щедрым столом. Эленцы жертвовали на пир жирную кобылу. Новоиспеченные ботуры угощали Илбиса, вознося остриями копий куски кобыльего сердца и печени на кроны высоких деревьев. Добрым знаком считалось, если к утру подношение исчезало. Молодые пили со всеми кумыс из круговой ведерной чаши, вбирая в себя дружинное родство.

Год Хорсунова прихода в заставу не побаловал большим наплывом новобранцев. Но не потому воинскому селенью стало не до шумных молодецких потех. В завершающий день Посвящения в Элен стряслось несчастье. Неведомо куда канули трое здешних чудодеев – два шамана и удаганка. Это была огромная потеря. Терюта почитали как опытного врачевателя и справедливого старшину людей рода косуль. Старый Сарэл слыл лучшим благословителем в Великом лесу. Губну горше всех оплакивали дети. Молодая удаганка лечила их веселым огнем. Волшебное пламя сжигало болезни в теле, ничуть ему не вредя...

Больше в долине шаманов не было, если не считать черного колдуна Сордбонга из аймака Сытыган. К кому теперь обращаться хворым, кто произнесет главные молитвы на празднике Новой весны?..

Долина гудела, множились праздные слухи. Поговаривали о тайном набеге людей хориту или разбойников барлоров, о войне шаманов со злыми духами и божьем наказании. Багалыка и дружину укоряли в ротозействе. Не бывало такого, чтобы люди в мирное время исчезали бесследно.

Малый сход впустую тряс всех, кто последним видел пропавших. Старшины вотще посылали гонцов в соседние аймаки и кочевья тонготов. Будто сквозь землю провалились шаманы. У воеводы дух от тревоги занимался. До светцев отправил молодых дружинников пешком прочесывать окрестные леса и горы – вдруг да найдется хоть какая мало-мальская зацепка.

Хорсуну выпало проверить сосновые увалы и елани в зыбучих падях, близких к Сытыгану. Парень решил побелковать на обратном пути. Взял с собой охотничий лук и старый колчан с девятью костяными стрелами. Ничего, что с меха осенней белки еще не слезла огневая, как вихры у Кугаса, рыжина. Хорсун отдаст шкурки женщинам, и кто-нибудь сошьет троим молниеносным новичкам теплые шарфы из черно-рыжих беличьих хвостов.

Чуть ли не за каждый куст заглядывал юный ботур, благо ноги скорые и глаз на любой пустяк наметан. Свежий излом на ветке, растревоженный муравейник, сорванная паутина могли показаться кому-то безделицей, но не Хорсуну. В сосняке мало мха и валежника, песчаные тропы чисты и влажноваты от росы, кто ступал – сразу видно. Человеческие следы пока что не попадались, одни звериные... И вдруг словно холодным ветром повеяло, темная тень пала на лицо! В просвете между деревьями мелькнул человек. Высокий мужчина в разлетающейся кожаной дохе быстро шагал в сторону Сытыгана. Хорсун подобрался и, не спуская глаз с незнакомца, крадучись, тронулся за ним.

Доха мужчины была пошита из шкуры диковинной зернистой выделки, продымленной до земляной черноты. Кожа мокро лоснилась, переливаясь в движениях. Подобной одежды не носили ни тонготы, ни одуллары, приезжающие зимой с берегов северных рек выменивать камусы и мясо домашних оленей на конский волос и железные вещи. Значит, это не тонгот и не одулар. Да и ростом велик по сравнению с кочевниками, мелкокостными и приземистыми. Может, шаял? Нет, у тех туловище массивнее и длиннее, а ноги короче. Торги в Эрги-Эн прошли в начале лета, все чужестранные торговцы давным-давно разъехались в свои земли. Кто этот пришелец, что делает здесь? Должно, он-то и связан с пропажей шаманов!

Под ногою хрустнула ветка. Воин замер, досадуя на себя, – горе-следопыт! Мужчина обернулся и тоже замешкался...

Не так уж близко находился человек, чтобы вплотную видеть его глаза. Но Хорсун видел, будто столкнулись лбами. В этих глазах... о-ох!.. брело в ледяную даль несметное полчище замороженных весен, более студеной, чем застарелые глыбы льда на северных хребтах. В двух тускло мерцающих кровавых озерах – парень разглядел и мог поклясться – плавали обледенные трупы людей, застигнутых в отчаянном усилии спастись. Окаменевшие в невообразимых позах, со смерзшимся воплем на лицах!

Хорсун попытался сделать взгляд пронзительным, как учил отец, но зрение затуманилось. Воин едва усмотрел, что его собственное лицо двумя дрожащими лунами отражается в страшных глазах незнакомца. Эти очи притягивали и притягивались сами. Взор их приставал к лицу липучей смолой, оставался на щеках неотдираемой грязью. Хорсуну захотелось тотчас шмыгнуть за дерево, спуститься с увала к ручью. Отмыться... развести очищающий костер... или, нет, бежать... бежать опрометью, без оглядки!

Мысли ботура скакали саранчой, а сам он стоял как вкопанный. Незнакомец наконец отлепил и отдалил обжигающие холодом очи. Присел на обрубок дерева. Сапоги у него тоже были странные, с глянцем на носках и полукруглыми выступами на пятках. В похожей обуви ходили в Эрги-Эн редкие торговцы западных племен. Не нунчйн ли, житель запада, этот пришелец?

Хорсун пошевелился, отмирая онемевшим телом. Он изо всех сил старался не показать обуревающего его страха.

...Нет, не нунчин. Не барлор и не гилэт. Вообще не человек. И, без сомнения, враг. Самый чудовищный из всех, когда-либо ступавших на землю Элен. Жилец не Срединного мира, не связанный пуповиной с Орто и вообще не имеющий с нею общих корней.

Тонкая кожа дохи облегла чужака плотно, не выдавалась на левом бедре, где обычно топырятся привешенные к поясу ножны. Стало быть, безоружный.

Мужчина зевнул громко, со смачным челюстным хрустом. Во всю ширь распахнул глубокий зев с двойными рядами острых клыков. Зачем такому меч или нож? Не укусит, так взглядом заморозит насмерть. Ни к чему играть в благородство.

Не таясь и не медля, Хорсун кинул стрелу к тетиве. Оттянул – аж плечо от напруги свело.

– Эй! – крикнул, чтобы не в спину стрелять. А через мгновение понял, что попал мужчине в горло.

Странник мог увернуться, мог на лету словить рукой кургузую, рассчитанную на беличью зеницу стрелу. Не успел ни того ни другого. Судорожно схватившись за шею пальцами обеих рук, закатил кверху жуткие глаза. Из-под древка стрелы толчками хлынула кровь, сок жизни обыкновенного багрового цвета...

Кем бы ни был иноземец, Хорсуну сделалось дурно.

Ему говорили: что – Посвящение! Мало летать в прыжках, бежать по отвесной круче, опускаться на дно озера. Мало являть чистоту мастерства живостью тела и четкостью движений. Мало владеть оружием... Воин проходит главное испытание, убивая первого врага.

Ему говорили: иные посвященные, впервые прикончив в бою человека, после боя оставляли бранное снаряжение в Двенадцатистолбовой и не возвращались в заставу.

Ему говорили: у смерти Ёлю страдающее лицо и она гораздо запустить казнящую муку в такую твою сокровенную глубину, какой ты сам не ведаешь в себе. Хорсун был уверен: он выдержит, не дрогнув. Легко! Он ждал и жаждал испытания человеческой смертью. А тут, несмотря на то что клыкастый незнакомец вряд ли мог называться человеком, не сумел совладать с собой.

Ботур согнулся, и его бы стошнило, если б не смех странника. Приподняв голову, Хорсун снова застыл. Мужчина совершил невероятное. Вонзил длинные ногти в свое горло и с треском разодрал его пополам, словно ломкую, плохо промятую шкуру. Кровь забулькала, вскипела розовой пеной. В белеющих ободьях глотки показался костяной наконечник стрелы, застрявший в хрящах рожками острия. Пришелец без затруднений выдернул стрелу, приблизился и любезно пояснил:

– Она мне мешала.

Ошалевший воин ахнул, как девчонка. Белая ладонь с окровавленной стрелой простерлась к нему.

– Нет. – Хорсун спрятал руки за спину, отодвигаясь. – Стрела мне больше не нужна.

– Почему? – Странник вроде бы даже обиделся.

– Не нужна... – повторил парень.

– Ну и ладно, – весело сказал чужеземец и сунул стрелу в щель на боковине дохи. – Будем считать, ты мне ее подарил.

Он изъяснялся на языке народа саха бегло, но речь его была какой-то неровной – свистящей, прыгучей, словно в нее намешали сторонних звуков.

– В меня часто стреляют, – признался странник, доверительно вытягивая к Хорсуну шею. Она срасталась стремительно и без шва. – Никто еще не попадал. А у тебя получилось, сын Смеющегося левши... Хорсун, меткий стрелок!

– Кто ты? Что сделал с нашими шаманами? Как разведал мое имя?..

– Все-то тебе расскажи, – засмеялся пришелец. – Ты мне нравишься, Хорсун, любопытный! Поэтому ты узнаешь ответы на вопросы, заданные столь бесцеремонно.

Хорсун прищурился, всматриваясь против света, и на миг ослеп, как от удара. Из-за спины странника – воин в который раз не поверил зрению! – показались пропавшие шаманы Терют и Сарэл... удаганка Гуона... Их лица были бледны, как у мертвых. Наверное, от стыда... Но бессовестные губы улыбались.

– Вам, кажется, есть о чем побеседовать, – молвил бродяга. – А я спешу. Дела, дела неотложные... Догоните меня, – бросил спутникам и резво пустился по сытыганской тропе.

Чародеи помедлили, чтобы дать Хорсуну освоиться со своим внезапным явлением. Затем удаганка, в нетерпении переминаясь с ноги на ногу, спросила:

– Может, и ты пойдешь с нами? – Тонким язычком облизнула бесцветный рот. – Ты не пожалеешь, если согласишься. Там, куда мы направляемся, великому господину служит лучшая рать. Она не то что облезлое эленское войско. Имя ей – Множество Множеств! Когда-нибудь эта рать завоюет не только Великий лес-тайгу, но и всю Вселенную!

Не в силах ответить, ботур в смятении мотнул головой.

– Зря, – усмехнулся Терют. – А мы сделали свой выбор.

– Вас ищут, – прошептал враз осипший воин. – Вас потеряли люди... ваши родичи... дети... – Он коротко глянул на Гуону, бросившую ради чужого господина мужа и маленькую дочь.

– Пусть, – пожала плечом удаганка. – Поищут и забудут. Идем! У тебя будет все что захочешь.

Голова Хорсуна замоталась еще сильнее.

– Нет, нет, нет... – бормотал он, пятясь.

Старый Сарэл злобно скривился:

– Э-э, не уговаривай, Гуона, пусть остается! Нужен ли он нам, не умеющий ценить оказанной чести! Иди, иди в свою жалкую заставу, сопливый ботур! – Хлестким взглядом, словно ребром ладони на отлете, мазнул по свежему шраму-молнии на воинской щеке: – Ступай и скажи всем – мы не вернемся!

* * *

Ошеломленно озираясь, Хорсун сел под кустом у тропы. Когда он умудрился заснуть? Потер виски, стряхивая дурман. Тяжелая голова отдавала приглушенным гудом, как пустой глиняный горшок. На пригретом солнцем песке виднелись четкие следы подошв торбазов. Его, Хорсуновы, следы. И никаких других. Что же, выходит, ему приснились шаманы и странник?

Воин внимательно прошелся по тропе. Тут он стоял – носки вровень, отпечатки глубокие. Тут вроде слегка отшатнулся. Дальше следы-шаги сбивались. Судя по ним, Хорсун то направлялся вперед, то непонятно зачем топтался на месте. А здесь за кем-то крался и гнался скачками... За кем, если никого не было?

Он пересчитал стрелы в колчане. Восемь. Одной нет! Точно помнил: он стрелял единственный раз – в пришельца. Подумав об этом, усомнился. Утреннее солнце светило так ясно и мирно... Длинные тени стройных сосен ложились на увал коричневатыми полосами, будто подкрашенные охрой... Мягкий, прохладный, почти летний ветерок лениво колыхал длинные иглы хвои... Не могло случиться страшного в прошитом лучами лесу. Почудилось, приснилось!

Но где же тогда стрела?

Сосредоточившись, Хорсун перебрал приключение в подробностях и все-таки решил, что встреча произошла вживе. Правда, он забыл лицо пришельца. В памяти остались лишь его ужасные ледяные глаза и гладкая ладонь со стрелой. В мозг крепко врубилось предчувствие: Элен в опасности.

До вечера воин обследовал сосняк, поросшие камышом поймы, пустоши с кочкарником-зыбуном и еловые перелески. Зашел к рыбакам в Сытыган, поспрашивал людей. Не нашел ничего подозрительного. Отчитываясь перед багалыком, обмолвился, что видел издалика человека в темной одежде, направлявшегося в рыбачий аймак. И все, больше ни слова. То же самое повторил перед Малым сходом.

Утаив главное, Хорсун чувствовал себя так, будто оступился в грязную лужу. Чем оправдаться? Не сумел проявить решительности, не схватил никого, не смог противостоять приневоленному сну. А расскажи он, как все случилось, люди бы не поверили. Самому небывальщиной казалось. Но паче всего терзал стыд за предавших долину шаманов, ушедших к небывалому господину с его Множеством Множеств. Воин догадывался: это тот самый «господин», о чьем черном имени страшно помыслить.

Не простодушно молчание. До этого случая слова Хорсуна еще ни разу не расходились с делом. Шли по прямой одно за другим. Легко делиться вслух бесхитростными думами, не обремененными темной тайной. А тут неподъемная тяжесть на сердце легла. Ботур содрогался от мысли, сколько возмущения принес бы его правдивый рассказ, сколько горя доставил бы он ни в чем не повинным родичам подлых изменников.

Позже сытыганский шаман Сордонг, камлая на Малом сходе, плел басни о некоем кровавом волшебнике. Злодей якобы вознамерился уничтожить всех шаманов по Большой Реке из желания стать самым могущественным в Великом лесу. Тряся бубном и звончатыми подвесками платья, Сордонг выл и крутился, словно ошпаренный пес. Вещал сквозь дурные

вопли, что, обернувшись волком, бежит за чужаком и вот-вот догонит его. Мол, видит уже неимоверно раздутый живот и красное от крови лицо...

Не догнал, конечно. Куда хозяину незначительного джогура тягаться с самим демоном Джайан! Сордонг врал без запинки, хотя глаза от страха серыми мышками бегали по углам и губы дрожали. Наверное, плуту тоже было кое-что ведомо.

Хорсун еле справился с яростно чесавшимся языком. Борол искушение крикнуть в запале: «Не верьте Сордонгу, все ложь, шаманы ушли к Черному богу!» Укрощал больную правду в себе, как строптивого жеребца. Предложи кто юному воину вместо этого испытания повторно пройти Посвящение, пошел бы во второй раз и в третий. Лучше привычно ломать и корежить тело, чем душу.

Он вдруг осознал, как непросто было сказанное отцом: «Пусть дальше нас обоих проверит Дилга». Понял, что начались взрослые уроки, которым, возможно, придется учиться до конца срока на Орто.

Домм третьего вечера Жена багалыка

Обезлюдели караульные вежи. Не слышать голосов и смеха в Двенадцатистолбовой. В семейных юртах матери и старшие дети укладывают малышей спать пораньше. Мнут у очагов шкуры в зубастых кожемялках, коротая время до приезда мужей и отцов. Отошли в память десять дней, потом еще день и ночь, а охотников все нет и нет...

Восходящее солнце, выглянув ненадолго, испугалось налетевшего северного ветра и скрылось в небесных ярусах под защитой богов. Поторопилось: ветер побушевал, появился, нагнал табуны пепельных облаков и затих. Скупой осенний свет неохотно разлился над Элен сквозь пасмурные слои.

Проспав все утро, чего прежде с ней не случалось, Нарьяна выбралась из-под рысего одеяла. С трудом поднялась с супружеской лежанки и по тому, как низко опустился живот, поняла, что сегодня родит.

Никогда не сидящая без дела Модун, жена оставшегося стражем воина Кугаса, еще до рассвета разожгла огонь в камельке. Теперь подметает двор перед коновязями.

Стоя сбоку очага, с треском разгрызающего остатки смолистых поленьев, Нарьяна в первую очередь расправилась со своими непослушными волосами. Нетерпеливо драла, чесала деревянным гребнем свалившиеся кудри, пока не упали они по спине гладкими черными волнами. Туго-натуго, насколько хватило силы, заплела их в косу с добрый кулак толщиной. Натянула заячьи чулки, повязала на поясице кожаные тесемки широкого, в четыре ладони, пояса из пестрого меха сиводушки.

На спальную лавку легла медвежья шкура с полосой благородной седины. Нарьяна набросила шкуру с осторожностью. Брала пальцами, стараясь касаться как можно меньше, чтобы к ребенку не перешла злость зверя, живущая в шерсти. Прикрыла сверху волосяными циновками. К сложенному в углу одеялу добавила две набитые утиным пухом подушки. Сверху еще две – подшейные, меньше и мягче, из нежного лебяжьего пуха... Уф-ф, все. Едва не задохнулась от усилий.

Ночь выдалась маетная. Снова и снова видела Нарьяна чьи-то пронзительные ледяные глаза с кровавыми зрачками, наблюдавшие за ее сном. Ужасные очи преследовали много ночей подряд, почти с тех пор, как ушла дружина. Просыпаясь, женщина дрожала под теплым одеялом и, глядя сквозь оплывы оконной слюды, просила деву Луну помочь ей избавиться от дурного сна. Несколько раз порывалась сказать о сне хлопочущей рядом Модун и не смогла. Да что зря языком трепать? Сколько бы ни стерегли жену багалыка, обычная людская охрана не спасет от лихих глаз неизвестного.

Нарьяна вышла на улицу и вскрикнула: с ближней ели шумно слетела ворона. Ох не к добру! Обычно осторожная, птица села по-свойски рядом, повернула набок гладкую головку и оглядела Нарьяну искоса снизу вверх. Нечто человеческое чудилось в этом внимательном насмешливом взоре. Откуда взялась – одна? Черные сородичи давно собрались в стаи, снарядились к кочевке в теплую страну Кытат.

Наглая ворона сделала скачок, подобралась почти вплотную к носкам ровдужных торбазов. Непроизвольно скрестив ладони на животе, женщина отшатнулась и упала спиной на покату юверь юрты.

– Ш-шух! – опомнившись, шуганула незваную гостью.

Вещунья отпрыгнула чуть в сторону, но не улетела и пренебрежительно каркнула на весь двор: «Каг-р, кар-ра, кар-р!» Мол, гони меня, не гони, а я про тебя что-то знаю, да не скажу!

До зубовного стука напугала, пособница бесов...

Расстроенная, Нарьяна зашла обратно в юрту. Постояла в замешательстве на пороге, и словно холодные пальцы сдавили затрепетавшее сердце. Она ведать не ведала, что за жуткий человек ей снился, но вдруг поняла – почему... Это не человек, это – демон! Демон или дьявол, сам Черный бог, поднявшийся на Орто из глубин Нижнего мира Джайан! И не она, Нарьяна, нужна ему, а тот, кто родится сегодня! Должно быть, чудовище приближается к Элен... Может, оно уже здесь!

Ребенок заволновался внутри, дрыгнул сильной ножкой. Наверное, тоже боялся отмороженных бесовских глаз.

– Я спрячу тебя, малыш, – пообещала Нарьяна, поглаживая расхолодившийся живот.

Ждать Хорсуна нет сил, а враг подстерегает время, когда начнутся роды и тело Нарьяны откроется в пределы миров. Прорвавшись в явь, страшилище ринется к роженице, лишь только дитя подаст голос. Схватит-сожмет ребенка когтистыми пальцами... И ничто, никто этому не помешает! В заставе полно оружия и есть два обученных воина: Кугас и Дуолан, но они бессильны против демона... Нахлынула паника, и явилась мысль – бежать! Бежать, иначе сбудутся вороны примет, плохое предчувствие и дурные сны!

Где укрыться? Ближе всего к заставе маленькое селенье Сытыган. Там живут презренные люди рода шук, что питаются сусликами и лягушками. Аймак будто дал почин поговорке: «К волчьей стае прибилудилась паршивая собака». Народ Элен мало общается с отщепенцами. Отворящихся в роду делах рассказывают такое, что смотреть в ту сторону стыдно... Подумать невозможно о спасении в Сытыгане с его порочными обитателями, преступившими законы жизни, потерявшими души!

Дальше, левее к берегу Большой Реки, – аймак кузнецов Крылатая Лощина, расположенный между двумя холмами. Если отправиться по горной тропе, можно добраться быстро. Живущая там швея-мастерица Ура́на, жена главного кузнеца Тимира, подскажет, что делать.

Размышляя, Нарьяна собирала вещи для родов. В привязанный к поясу кошель сунула кусок вареной жеребятины в бересте, завернула в пучок пырейного сенца срезку жильных ниток и маленький нож. Поколебавшись, взяла ножницы с загнутыми остриями. Вдруг родится девочка, чем тогда пуповину отрезать? Ножом только мальчиков отсекают от материнской привязи, девочек – ножницами...

Скатала в кобылью шкуру заячье одеяльце и пеленку – квадрат тонко вымятой жеребьей кожи. Отыскала на полке среди мис и чоронов маленький туес с крышкой, налила в него свежих сливок. Спрятала приготовленное от заметливых глаз Модун.

Должно быть, Хорсун поручил хорошенько присматривать за Нарьяной. Женщина глаз с госпожи не спускает, придумала стеречь денно и ночью. Так и мелькает ее мощный силуэт в сверкающем окне. Слоистая слюда почти прозрачна и хорошо пропускает свет, не то что толстый кусок льда, который Хорсун вставит в окно зимою. Не почистишь лед ножом вовремя, не обметешь снаружи веником – в юрте станет темно... Лед, лед, ледяные глаза! В низу чрева резко заныло. Словно острая палка с шипами захватила нутро и повернула по оси... О-о, Белый Творец, неужели бывает так больно?! Шепча молитву, Нарьяна забегала с левой женской половины на правую мужскую. Остановилась, поддерживая живот обеими руками. Боль отдалилась тянущими толчками, затихая. Надолго ли?

Нарьяна уткнулась головой в поддерживающий западную часть юрты столб с торчащими сверху колышками. На них муж кладет оружие, вешает луки и седла. Выше, почти под самой балкой, темнеет вражья косица длиной в три кулака. В нее вплетен крохотный золотой меч-оберег. Косу когда-то отсек с головы иноземца гилэта отец Хорсуна, знаменитый воин...

Под косой блестит боевой шлем мужа с восемью отлитыми по бокам крылами, по четыре с обеих сторон. На каждом крыле равные счетом перья, одно к одному. Родовой зверь-господин багалыка – орел. Покровительствует ему сам четырехглавый, восьмикрылый Эксэю, священная птица – вестник весны... Хорсун мечтает о сыне. Воин ждет воина, орел – орленка. А знак материнского рода Нарьяны – белая кобылица.

Захотелось привстать на цыпочки и погладить рукой округлость крылатого шлема, ощутить живой гудящий холод железа, отлитого кузнецом Тимиром. Испуганно отдернула ладонь: совсем уже растеряла в путанице мыслей здравый разум и память... Забыла о запрете! Брюхатой бабе до боевых доспехов и дотрагиваться нельзя, не то что гладить.

Нарьяна в отчаянии топнула ногой: ну почему, почему воины до сих пор не явились?! Тревожным мыслям путь не закроешь, устремились во все стороны, тянут в голову худые думы. Вдруг разбойники барлоры или хориту, люди с узорными лицами, перебили дружину, безмятежно спящую в наспех сооруженных шалашах? Что, если охотники утонули в реке или ссыпался кряж над ними безымянным могильным курганом? Страшно, страшно! Крикнуть бы громко, через леса и земли, пролегшие между нею и мужем, упасть на грудь ему малою птахой: «Хорсу-ун!» Где ты, любимый, в каких дебрях скитаешься-бродишь, бросив жену, может быть, на погибель?..

Вспомнив ворону, отругала себя: полно каркать, кликать напасти, позаботься о ребенке! Бежать в горы, к Каменному Пальцу, у подножия которого стоят юрты жрецов? Но и это один из многих женских запретов! Женщинам не разрешается подходить близко к селению мужчин в светлых одеждах. К тому же Хорсун презирает жрецов... А бежать все-таки надо к ним! Люди, озаренные Белым Творцом, помогут. Должны помочь, должны спасти ее и ребенка! Ведь воины охраняют и их священный утес, невыгодно заметный отовсюду, навлекающий на долину опасность!

Нарьяна приникла к окну, выглядывая мощный стан Модун. Тут охранница и сама зашла, густо звеня медными подвесками на платье. Занесла воды в берестяном ведре. Поинтересовалась, не глянув на скользнувшую к лежанке хозяйку:

– Ты что, не ела еще?

Та нарочито зевнула, унимая занявшееся дыхание:

– Ела. Выпила целую чашку сливок.

Модун подкинула дров в очаг, протянула к огню замерзшие руки. Поежилась зябко:

– Ох как холодно! Северный ветер подул.

Будто упрекнула.

– Ну и шла бы домой, – буркнула Нарьяна.

Модун молча подвесила на железный крюк в очаге глиняный горшок с молоком. Нарьяна почувствовала себя виноватой. У женщины ребенок маленький, работы дома невпроворот, а тут будь добра исполнять приказ, оберегать капризную жену багалыка.

– Скажи, почему тебя мужским именем зовут? – спросила миролюбиво.

Женщина улыбнулась:

– Не ты первая этот вопрос задаешь. У моего отца Бэргэна, багалыка дружины в том краю, где я раньше жила, было две жены, а рожали только девчонок. Я девятая по счету, последыш от баджи³⁷. Вот отец от отчаяния и нарек меня не по-женски – именем, какое мечтал дать сыну. Еще, правда, потому так назвал, что родилась я крупной, тяжелой, будто желудок сытой коровы. Не успели, говорят, занести в юрту из родильного шалаша, как я ухватила вертевшуюся у порога сестрицу за безымянный палец. И он у бедняжки посинел!

Модун засмеялась и, не удержавшись, похвасталась:

³⁷ Баджа – младшая жена.

– Среди дочерей ботура Бэргэна я самая сильная и сноровистая! Он меня и на охоту всегда брал, и боевым искусствам учил. Жаль, недолго. Сказал: не женское это дело – вспарывать брюхо врагу. Но я все равно добыюсь, чтобы Хорсун посвятил меня в молниеносные!

– Разве женщине можно?

– А почему нельзя? – усмехнулась Модун. – Все запреты придумали жрецы и шаманы, чтобы запугивать людей. Трусливых-то легче себе подчинить.

Подметая шесток заячьей лапкой, Модун увлеклась воспоминаниями. Начала рассказывать Нарьяне об отце и сестрах, о своем аймаке, обитающем далеко отсюда по Большой Реке. О том, как приезжал к ней свататься Кугас.

– Хорошо, когда на дочери воина женится воин! Прибыли стоваривать меня Кугас с Хорсуном. Мы с сестрой, тоже не просватанной еще, выглянули в дверь и по молниям на щеках узнали ботуров Элен. Сестра наострила уши, подслушала разговор и губы надула: «Пы-ы, пы! Жених, оказывается, не тот высокий красавец, что первым с коня сошел, а второй, широкий в кости, рыжий, как летняя белка!» А мне Кугас сразу понравился. Ну и что – рыжий, значит, человек с огоньком, и глаза веселые!

Модун кинула мелкие щепки в жерло и тоже вспыхнула глазами – в них отразился огонь проснувшегося камелька.

– Сначала пригласили за стол Хорсуна. Поговорил он с отцом, потом жениха позвали. Вошел Кугас в юрту, поклон родителям отвесил. Мать по обычаю подала ему чорон, полный кумыса. Наклонился парень отпить, а отец вдруг ка-ак прыгнет, да ка-ак кольнет его мечом в живот, целясь в печень! Я аж потом вся облилась. Ну, думаю, убил жениха! Смотрю: стоит мой рыжик невозмутимый, а из чорона не пролилось ни капли! Даже не заметила, как увернулся. Лишь после этого испытания отец согласился отдать одну из дочек на выбор. Кликнул нас с сестрой, и я поняла, что тоже приглянулась Кугасу. Но на том сговор не кончился, жениху еще надо было меня догнать и силою взять, коли сумеет... Помчалась я не хуже волчицы, бегущей от своры собак. Ох и долго же гнался за мной Кугас! Семь раз родовой алас кругом обежали! Потом я пожалела парня, сама встречу вышла из-за кустов. С того дня и понесла. А свадьба была через полгода, когда Кугас выплатил весь калым...

Нарьяна слушала вполуха. В животе снова все завертелось.

– Э-э, да тебе плохо? – прервала себя Модун. – Не время ли рожать?

– Не время, – солгала Нарьяна, улыбаясь через силу. – Просто устала и на душе неприятно. За Хорсуна, за дружину волнуясь.

И все же не вытерпела, взмолилась:

– Прости, мне бы подольше одной побыть. Отдохнуть хочется. Так бы и продремала до следующего утра. А там, может, воины вернутся.

– Ну, гляди.

Модун положила в очаг три толстенных листовенничных полена. Одно будет пылать лучиной, второе возгорится не скоро, третье станет тлеть потихоньку на красных углях.

– Что ж, беспокоить сегодня не стану. Только вечером потревожу, на ночь огня завести. – Махнула ладонью: – К тебе и близко не подойду. Спи! Про еду не забудь, не то совсем ослабеешь. На полке мясо, сливки в горшке. Вот и молоко вскипятилось. Ведро с ледовой водой на лавке стоит. Если в чем вдруг возникнет нужда, позовешь. Не я, так кто-нибудь все равно посторожит во дворе.

– Ладно...

Модун тихо закрыла дверь.

* * *

Нежная жена у Хорсуна, слабая телом. Сразу видно – нечадородная, этим бы ребенком без лишних мук разрешилась. Пусть отдыхает, набирается сил. У самой Модун сын, она родила легко, потому что чревом крепка... и много еще принесет сыновей во славу ботуров рода!

Они с Кугасом дали первенцу имя грозного оружия – Болот. В этом имени все что нужно. Мальчик будет справным воином, сейчас уже видно. Всего две весны живет, а лепечет уже вполне по-человечьи, сам ловкий и быстрый, след да след за таким. Широкий в кости, рыжий, как Кугас и деверь Дуолан... Младший брат мужа ботур хоть куда. Самый рослый и дюжий в дружине, один лишь Хорсун выше его на ладонь. Но уж больно несерьезен парень, совсем еще мальчишка.

В этом году Кугас обещал свозить жену к родным. Ох и соскучилась же она! Пройдут ровно три положенные весны для визита мужней дочери к родне с подарками, сразу и отправятся к празднику Новой весны. Кугас, наверное, возьмет брата. Модун поможет сговорить ему девушку из родного аймака. Есть на примете одна, статная и плечистая, нравом чинная, на работу свирепая... Женился бы, остепенился парень.

Модун засмеялась и тут же насторожилась: кто-то шел напролом, ломая кусты... Кто-то, конечно, Дуолан!

– Испугал меня, увалень! – выдохнула Модун, сердясь на себя за внезапную дрожь в коленях. – Зачем пришел?

– Кугас сказал, чтобы я сменил тебя. Болот зовет. Целыми днями здесь пропадаешь, совсем о ребенке забыла, – укорил Дуолан. – Брат хочет с вышек посмотреть, все ли тихо.

– Что может случиться плохого? – зевнула Модун. – Две с половиной весны здесь живу, тишина...

– Беспокоится он. Мы же одни.

– Видно, добычи много, потому и припоздала дружина.

Круглое мальчишеское лицо Дуолана расплылось в счастливой улыбке. Крутанулся на месте, играя легким копьем:

– Сколько рассказов будет! А весной, когда ветвисторогие обратно двинутся на острова, пусть только попробует Хорсун меня не взять!

– В дом не заходи, хозяйка спит, – предупредила Модун.

– А если я захочу попить-поесть?

– Тебе лишь бы попить-поесть! Скверный из тебя сторож, – рассердилась Модун.

Хозяйка подслушивала у двери. Обхватив живот руками, покачивалась в смятении. Как сбежать, как отвлечь Дуолана? Но отодвинулись участившиеся боли и постаралась успокоить себя: зато бдительная Модун ушла.

Нарьяна накинула на ровдужное платье нарядную соболью доху с двумя черно-белыми полосами по подолу. Надела лисью шапку с распушившимися из рожек перьями журавля стерха и медным кругом-солнцем на тулье. Ах вот что еще нужно сделать: наворотила на лежанку подушек, придав им форму человеческого тела, прикрыла рысьим одеялом.

Готовая к дороге, с туеском и свертком под мышкой, жена багалька снова приблизилась к двери, приотворенной на палец. За ней послышался голос мясовара Асчита. Наверное, Модун завернула к нему, попросила, чтобы отнес поесть Дуолану. И точно:

– Вчерашнюю еду будешь? – спросил Асчит у парня.

– Буду, – обрадовался тот.

– Ну, тогда я приду к тебе завтра, – сказал веселый толстяк и сделал вид, что уходит.

– Опять надо мной смеешься! – обиженно завопил Дуолан.

Сквозь крохотную щель до прильнувшей к двери Нарьяны донесся душистый запах только что приготовленной пищи. Расхрабрившись, медленно-медленно приоткрыла дверь пошире. Увидела за кустами затылок удаляющегося Асчита. Увлеченный едой, Дуолан сидел спиной к юрте на опрокинутых санях. Рядом в развернутом куске бересты лежало что-то золотисто-коричневое и оранжевое. Что там? Ага, испеченная на рожне утка и поджаренные в масле колобки из карасевой икры. Нарьяна сглотнула слюнки и вспомнила, что сегодня еще ничего не ела.

Как бы тихо ни отворялась дверь, все равно раздался противный тягучий скрип. Женщина обмерла с закинутой через порог ногой. Но парень ничего не слышал, блаженно хрустя утиными косточками. Шаг, еще шаг, обогнуть юрту, скорее к лесу! Нарьяна припустила что есть мочи.

Спрятавшись за кустом, осмелилась бросить взгляд на оставленный двор. Дуолан повернулся лицом к двери, будто что-то заподозрил... Но нет, взял икрыной колобок, перекатил задумчиво с ладони на ладонь. Видать, наелся. Обветренные щеки его лоснились от жира, глаза сонно щурились. Не усмотрел, не заметил, вот так стражник!

Больше не оглядываясь, Нарьяна начала подниматься в горы по узкому берегу реки Бегуны.

* * *

Говорливая речка стремглав скакала вниз по порожкам, торопясь к бабушке Большой Реке. А там уже разливалась широкогорлым устьем, плакала-жаловалась на обиды, острые камни и нежеланные объятия мороза. Бегунья дольше всех не поддается холоду. Двигается, перекорщица, и тогда, когда другие реки-озера сгибаются подо льдом перед неумолимой волей зимы.

Лес кругом стоял грозный и темный. Выпавший недавно редкий снежок припорошил кроны, а до земли не добрался. Куда ему, если и солнце летом не в силах проникнуть к земле сквозь бурелом и густые сомкнутые ветви. Тонкая трава вдоль еле приметной тропы заиндевела, как шерсть пегой лошади в зимней дороге. За травяной каймой краснеет все еще яркий брусничник с оторочками серовато-желтой линиялой хвои. Чуть подмороженные, багряные от спелости ягоды лежат на кудрявом зеленом ковре, словно кто-то оступился и рассыпал их кучками из переполненного туеса.

Теплая нынче осень, и лето побаловало. Вовремя выпали проливные дожди, дали взрасти хорошим травам. Солнца тоже было вдосталь, так что мучнистые корни огненно-красного веснушчатого цветка сарданы успели налиться земным животворным соком. А уж ягод в лесу высыпало – некуда ступить. Нарьяна на ходу сорвала полную горсть кисло-сладких водянистых брусничин, благо тропа шла круто и почти не пришлось нагибаться. Поела, шагая без остановок в гору. Старалась идти прямо и ровно, но спину сводило в напряжении – все казалось, что кто-то следит, подсматривает сзади. Не Дуолан, понятно, тот бы давно окликнул. В мыслях мелькали глаза из сна, ледяные, с кровавыми зрачками. И в мыслях же Нарьяна их отгоняла, понукая себя: не притягивай беду, шагай быстрее, пока снова живот не скрутило! Силком пыталась занять голову другими думами.

Вдруг жрецы ее не примут, укажут на дверь, куда бежать тогда? Стыдно Нарьяне: муж будто не замечает людей в белой священной одежде. Если кто-нибудь из них обращается к нему на сходе с вопросом, Хорсун цедит ответ сквозь зубы. Даже с главным жрецом разговаривает мало и надменно. А ведь имя того – Сандал, лучезарный! Жрецы – озаренные люди, их молитвы ближе всего к прародителю народа коню Дэсегею, к светлым богам и самому Белому Творцу. Сандал и его помощники делают большую работу. Произносят напутственные слова на свадьбах, провожают умерших, открывают торжища в Эрги-Эн, вымаливают плодородие

всему существу на празднованиях Нового года-весны. Ни одно важное событие не проходит без их благословения. Не будь жрецов, кто бы учил табунщиков творить защитные заговоры против нападения волчьих стай и медведей-шатунов? Кто бы лечил людей и скот, когда из Нижнего мира Джайан приходят болезни? Ведь ни одного шамана или удаганки, что раньше вершили подобное, не осталось в родах Элен!

То есть сильных шаманов не осталось. Ведунов-знахарей, конечно, хватает... Нарьяна подумала о своем секрете. Она знала кое-что из неведомого обычным людям. Никому не говорила об этом, даже Хорсуну, боясь его гнева. Дар-джогур был незначительный, но во многом облегчал Нарьяне жизнь.

Она умела говорить чудодейственные заклинания, хотя никто ее этому не учил. Сама не понимала, откуда брались складные слова, слетающие с языка, хлопотала ли она дома по хозяйству, бродила ли на лугу возле озера, выкапывая корни сарданы, или ягоды собирая в лесу. Бывало, у женщин брусники и половинки туеса нет, а ее кузовок уже с горкой сверху. Нарьяна могла сделать так, чтобы нитки не рвались, узор вышивался ровнее, легче мялись тяжелые кожи. Чтобы суп стал густым и жирным в голодные дни, когда все коровы стельные и Асчит выдает семьям совсем помалу пищи. На каждое женское заделье были у Нарьяны свои подсобляющие молитвы. А самое мудреное, что удавалось с малых весен, так это вызов огня. Тут она ухитрялась обойтись без кремня и серы. Просто высвобождала голову от суетных мыслей, думала об огне очень крепко, произносила заклинание, и он возгорался.

Шести годков от роду, спрятавшись в молочном погребе, Нарьяна позвала огонь, и сруб погреба чуть не сгорел. Отец отругал ее сильно, чего еще не бывало. Она и сама испугалась, плакала до икоты и утомления.

– А если б огонь перекинулся на твоё платье? – спросил отец.

– Нет, он добрый, он бы меня не тронул, – пролепетала Нарьяна сквозь судорожные всхлипы.

Отец пожалел ее, взял на руки и долго ходил по юрте, качая большую девочку как младенца. Потом сел на лежанку, отвернулся лицом к стене и сказал с тоской:

– О, когда твоя мать Гуона домой вернется?

Вот от кого досталось Нарьяне эхо сильного дара. Мать была удаганкой.

Нарьяне минуло всего три весны, когда Гуона пропала. Вместе с нею исчезли еще два больших шамана округи: Терют, аймачный старшина селенья Горячий Ручей, и старый Сарэл, лучший благословитель Элен. Говорят, в пору войны бежавшие гилэты украли у Сарэла беременную красавицу жену. Он на всю жизнь остался одиночкой. Как отец.

О шаманах добром вспоминают в народе. А Кубага́й, отец Нарьяны, был простым табунщиком.

Племя нунчинов, родичей отца, обитает далеко-далече, на западном конце Орто. Не сосчитать ночлегов пути до тех земель за дугою моря Ламы³⁸ и еще дальше. Там отца называли по-другому, – памяти сложно запомнить, трудно приноровиться к чуждому произношению. Нунчины светлее кожей, чем люди саха. Глаза у них синие и круглые, как озера на аласах. Косы у женщин будто жгуты сухого, выбеленного солнцем сена. У мужчин растут кустистые желтые бороды и кудрявая шерсть на груди и руках. Отец тоже мог похвалиться белой кожей и пышной бородой цвета выгоревшей травы, но волос на груди всегда стыдился.

Кубага́й был первым нунчином, добравшимся в торговую весну до Эрги-Эн. Видно, не зря манила его сюда судьба. На торжище он увидел удаганку Гуону и понял: она – его женщина. Осмелился подойти к ней, показал привезенные из дальней страны красивые бусы красного морского камня и позвал с собою. Но Гуона отказалась отправиться с ним за Ламу. Не захо-

³⁸ Ла́ма – озеро Байкал.

тела жить пришлицей в чужом народе желтоволосых, синеглазых людей. Толмач, торговец из племени нельгезидов, знающий нунчинский язык, перевел Кубагаю ее слова:

– По своим вещим снам знаю тебя и давно полюбила, но родную землю я люблю больше.

Уехал Кубагай ни с чем. А через три весны приплыл на плоту один. Пришел к Гуоне похуевший, печальный:

– Стал я как опустевшее поле, стою на восьми ветрах, и нет мне солнца без тебя.

– Я подарю солнце, если ты согласишься остаться здесь, – был ответ удаганки.

И Кубагай остался.

Так отец рассказывал дочери. Не вернулся к своим, не женился после того, как сгинула Гуона. Жил силой памяти о четырех подаренных женой веснах, полных искристого счастья. Такое и между истинно любящими редко на Орто случается. Потому, наверное, куцым оно оказалось. За все человек платит богам и духам, а за слишком щедрое счастье рассчитывается сторицей.

Возьми отец после молодую жену, может, дольше бы протянулось на Срединной земле его нежидкое еще дыхание. Повзрослев, Нарьяна видела, что хорошие девушки заглядываются на кудрявого Кубагая, и каждая не прочь стать его женою. Он и няньку Нарьяны, юную толстую Лахсу, отослал от дочери рано по той же причине. Слишком игриво она смеялась, блестя пронырливыми глазами. А потом брат Лахсы выдал сестрицу, бедняжку, за Манихая, всем известного бездельника и гулену...

Нарьяна часто ездила с отцом проверять табуны. Мерзла в дороге, отчего ослабла здоровьем и была худощавой. Считала себя дурнушкой, хотя лицом светла и приятна, а волнистые волосы спускаются до колен, если распустишь косу. Но девушки без плечистого размаха и веселого румянца на щеках не нравятся парням, а их матерям и подавно. Любая семья желает, чтобы сын привел в дом добрую работницу с сильным чревом, способным выносить кучу здоровых детей для продолжения рода, пополнения аймака. Поэтому, когда к Нарьяне посватался не кто-нибудь, а сам багалык Хорсун, жених видный и знатный, она не могла поверить. Потом оказалось, он в девчонках еще приметил Нарьяну и ждал ее вступления в семейный возраст. Была красивая свадьба, безоблачные весны жизни с любимым, не было только ребенка. Теперь и он на подходе, проникший в нее зимою белым лучом восходящего света.

А Кубагай все искал Гуону. Расспрашивал чужеземцев на базаре в Эрги-Эн, допытывал приезжих гостей и кочевников, как бы невзначай выведавывая о разных колдуньях и удаганках. Все ждал и не верил, что нет его Гуоны среди людей, живущих на Орто. А может, верил в возвращение жены из других земель, миров и времен, куда она иногда уходила в камланиях... Кто знает?

Отца не стало прошлой весной. Он умер спокойно, как жил, – просто не проснулся однажды утром. Глаза его были закрыты на этом свете, а лицо улыбалось. Словно, очутившись за земным пределом, он увидел Гуону и успел здесь оставить улыбку. Жрецы сказали – болело сердце. Дочь знала: по Гуоне оно болело. Ах как жаль, что отец не дождался внуков!

* * *

Ребенок стал пинаться чаще. Снова жгучая резь свила из кричащих внутренностей гнездо боли, сотрясла уставшее тело. Нарьяна присела на взгорок, преодолевая схватки. Запрокинула голову к небу:

– О-о, помоги, Дэсегей, нет больше сил терпеть!

Как бы ни было больно, заметила: мольба ее вотще. Солнце зашло за невесту когда набежавшую тучу, возвратившийся сивер опять притянул к себе гибкие маковки елей. А тут вдруг на глазах Нарьяны налетел восточный ветер. В воздушных руках ветров кроны деревьев замо-

тались, словно хвосты дэйбйрей³⁹. Недаром месяц вчера кутался в радужную пелену, будто боясь сквозняка. Про такую непогоду говорят: «Началась борьба ветров, скоро буря грянет». И правда: туча надвинулась ниже, закрыла Каменный Палец толстым брюхом, опрокинула на землю сизые сумерки. Вслед за тем басовито взвыл голос бури. Завертелся, забесновался в небе призрачный зверь, взметая с троп красный песок и мелкие камни. Нарьяна поняла – не дойти ей до жрецов. Пока ветры не унесут тучу прочь и ураган не стихнет, придется где-то переждать. Судя по всему, буря будет короткой, небо за сопками розово по краю. Хорошо хоть, боль сместилась кверху и потихоньку гаснет.

Постучав по земле затекшими ногами, Нарьяна поднялась и затащила потуже тесемки пояса. Каждый шаг отдавался в животе, жалящие иглы впивались в утомленные икры. Ребенок перестал шевелиться, затаился, испугался чего-то... Поди, это плохо? Оглянулась кругом в поисках укрытия и удивилась: смотри-ка, она добралась до скалы с женским лицом. За Скалу Удаганки заказано ходить женщинам, даже если ягоды покажутся в запретных местах крупнее и слаще... Ах, нет времени думать об этом!

Под исполинским ликом за молодой сосной и большим валуном неприметно чернела пещера. Вот туда-то, продираясь сквозь бурелом, через груды острых булыжин и дробленый сыпун, устремилась изнемогшая от боли и усталости жена багалыка. И только успела зайти за камень, как стало темно.

Нарьяна присела от страха. Трясущаяся рука наткнулась на что-то мягкое, шерстистое. Едва не вскричала, отдернула руку – мышь! Погодя подумалось: нет, не мышь, похоже, пучок волос. Подняла ближе к свету. Точно, прядка белых конских волос. И сердце захолонуло – Хорсун! Его весточка, не иначе. Должно, кинул за камень, проезжая мимо. Будто догадывался, что понадобится жене родовой оберег, о котором она забыла в лихорадочных сборах.

Ощупывая шершавые стены, Нарьяна несмело прошла к северо-восточному углу, где в юрте стоял бы камелек. Расстелила на подбитой глиной земле кобылью шкуру, легла на нее, и вовемя. Опять нахлынули схватки.

Туча снаружи, казалось, тоже собралась рожать. Оглушительно гроыхнула, стрельнула каленой молнией и впрямь опросталась – градом! Застучали о камень, зацокали градины: вначале обычные, с ноготь мизинца, потом покрупнее, с листовенничную шишку, а следом – с яйцо кукушки! Некоторые с шумным шорохом падали за валун, накапливая у входа покатуку горку. Нарьяна, оглохшая скорее от одуряющей боли, чем от грохота грома, перестала обращать внимание на творившееся извне. Она уже плавала в истекающих из нее водах. Почти теряя сознание, подумала вдруг: надо зажечь огонь.

Семь дней до родов и семь дней после нельзя женщине показываться огню ни в очаге, ни в лучине. Найдя путь к роженице, приоткрытой в запределье, с исподу Земли могут войти в нее и высунуться неведомые существа, жажда глянуть любопытным глазком на пламенного духа-хозяина. Его огневая плоть чище чистого, ярче яркого! Обидевшись, огонь способен насладиться на неосторожную женщину родильную горячку. Даже повитуха, запачканная грязью промежуточных миров, не должна готовить пищу в очаге до наступления новолуния...

Нарьяна решила вызвать огонь вопреки всему! Ледяные глаза с красными точками были страшнее любого запрета. Собрав остатки издержанных сил, заставила себя подняться. Неожиданно полегчало и в голове чуть прояснело. Какое-то вземное наитие подсказало первые слова заклинания. Нарьяна вымолвила их тихо, робко, а после песнь-молитва полилась свободно, будто не из памяти слов, а из крови сердца.

– Домм-ини-домм⁴⁰, домм-ини, домм! Дед златоглавый, заботливый дух! Слышу я звон твоих медных сапог, рыжей дохи вижу яростный блеск, чувствую пламень сердитых очей...

³⁹ Дэйбйр – конский хвост на рукояти, махалка от гнуса и оберег от нечистой силы.

⁴⁰ Домм-ини-домм – ключ-присловье к молитве.

Сил нет взглянуть на пылающий лик! В страхе великом нарушив запрет, чистому взору посмела предстать в день своей первой родильной страды... Дедушка добрый, прости-пожалей, нету защитника, кроме тебя! К дитяtku малому в чреве моем, к чаду безвинному, страшная тварь рвется из Нижнего мира Джайан!

Не сразу, но вспыхнул огонь! Нарьяна с протянутыми ладонями поворачивалась посолонь. Вдгон ее движению загорались и взвивались ввысь яркие сполохи.

– Оберегающий, родственный дух! Жизнью ничтожной и сердцем молю: в жгучем своем от проклятого скрой, в тесном своем понадежнее спрячь, в круглом своем затвори, как в кольце! Дымом щипай ледяные глаза с кровью, закапанной вместо зрачков, руки змеиные жги и язви, пальцы когтистые жаль и кусай, черные мысли огнем изничтожь!

Огневые стены воздвигались до тех пор, пока высокое кольцо не сомкнулось.

Пламя было необычным. Не пекло, не слепило, отдавая тепла и света не больше хорошо протопленного камелька в юрте, и горело ровно, без дыма.

– Новую жизнь доверяю тебе, друг охраняющий, ласковый дед! Домм-ини-домм, домм-ини, домм...

Продолжая петь, Нарьяна бросала в огонь тонкие вязки белого конского волоса, кусочки вареного мяса и жира, отщипывая от захваченного из дома шматка жеребятины. Кропила сливками все восемь сторон Орто...

Когда внутри пылающего кольца закричал ребенок, телесные силы женщины были на исходе так же, как багровый сок жизни. Но вступили другие силы – материнского духа. Она сумела крепко перевязать пуповину жильной ниткой, перерезать ножницами. Обтерла тельце новорожденной мягким пырейным сеном, сдобренным сливками.

Прежде чем последний вздох сорвался с обкусанных губ, Нарьяна увидела мимолетный сон. В разрыве туч брызнул ослепительный свет, и с восточной стороны неба к Скале Удаганки слетела белая кобылица, рассекая воздух мощными крыльями. Глянула сквозь огонь в глаза Нарьяне, простонала волнисто, надрывно и, запрокинув кверху гривастую голову, встала дыбом у входа в пещеру.

Домм четвертого вечера Меняющий имя

Перед восходом в небе бесстыдно засверкало круглое седалище распутной звезды, девки Чолбобы. Устав от ночных гульбищ, вечно юная демоница укладывалась на покой. Пробудится она теперь поздним вечером. Повернется к Орто лицом, ловя отражение своего блистающего нагого тела в темных волнах Большой Реки. Убедившись, что красота ее не увяла, плеснет на румяные щеки студеной водой. Взбодрит себя перед новой похотливой ночью... Стараясь не смотреть на притягивающую спину блудливой звезды, главный жрец в ожидании восхода стоял на самой вершине утеса-перста. Он поднимался сюда на рассвете – времени познания – почти каждый день. Даже в зимний туман, когда солнце похоже на белую мису, а воздух расплывается под небесной твердью, как водянистое молоко, с которого сняли сливки.

Глядя вверх, Сандал следил за движением облаков. Глядя вниз, любовался долиной. Обозревая Великий лес, визнавал по дыму места кочевых становищ.

Три весны трудились мастера, жрецы и их помощники, вырубая ступень за ступенью в неподатливом камне. Благодаря благословениям Сандала и хитроумным креплениям, придуманным кузнецом Тимиром, никто не свалился с головокружительной высоты. В течение трех лун женщины Элен скручивали веревки из сыромятных ремней, длиннее и крепче которых не видывал свет. Когда готова была лестница, самая высокая и отвесная из всех лестниц на Орто, вдоль ступеней для удобства восхождения в три ряда проложили веревки. На спуск и подъем наловчившийся за многие весны Сандал тратил столько времени, сколько нужно для двух варок мяса. А пока лез туда и обратно, привычно размышлял о насущном, и мгновения в думах летели быстрее стрел.

Правую сторону лица Сандала безобразил уродливый рубец. Он проходил от виска до угла рта, по пути приспуская веко. Если смотреть сбоку, откуда шрам незаметен, вполне бы пристало назвать жреца красивым. Сандал был высок ростом и статен, плечи его не согнуло время. С них, сохранявших потаенную силу, белесыми ручейками вспархивали, реяли и закручивались в воздушных струях длинные тонкие пряди. Остроконечную шапку из цельной шкуры белого жеребенка, с торчащими ушами и кудрявой гривой, жрец держал в левой руке, правую поднял вверх. Ветер трепал полы его белой дохи. Играл-бренчал шестью серебряными колокольцами, нашитыми на проймы рукавов, и тремя, чуть побольше и звонче, посередине груди.

Закрыв глаза, жрец терпеливо ждал божественного знака. И вот пришло: кружок темени словно дрогнул кожей и распахнулся навстречу первым лучам. Живительные струи солнечной силы побежали по спинному хребту, тело открылось всеми порами и приблизилось к небу. Сквозь небесные ярусы устремился голос, раскатистый и глубокий:

– С того дня, как впервые узнал Высочайшее Имя Твое, мое сердце любовью к Тебе возгорелось, о Белый Творец! Вижу Твой очищающий свет над мирами, всем сущим и мной, и с великой надеждой прошу: дай мне силы искуса одолеть, все строптивое перебороть, непокорное воле Твоей...

Что-то не заладилось. Сандал шевельнулся в досаде, повернулся к северу и потерял вдохновение. Сейчас же пальцы студеного ветра забрались под ворот дохи. Жрец натянул шапку, помешкал, размышляя, не сойти ли вниз.

Нет, непременно надо очиститься. Этой ночью ему приснились чей-то вкрадчивый, насмешливый голос и глаза, каких не бывает у человека. Словно сосульки с застывшими в них ярко пламенеющими ягодами брусники.

В полдень жрецы по заведенному порядку соберутся в общей юрте у подножия утеса. Помолвившись вместе, посоветуются о приемах того или иного лечения. Расскажут, где гуляли во снах их воздушные души...

Сегодня Сандал не собирался делиться своими снами. Слишком было тревожно. Тревожно... и стыдно. Глаза-сосульки насмеялись над ним. Голос говорил такое!.. Впервые дало знать о себе болью и страхом старое, но еще крепкое сердце.

– Лучез-зарный, – дразнил струящийся из ночного мрака язвительный шепот, – С-сандал лучез-зарный! Раз-зве ты не такой ж-же, как вс-се? З-зачем взял с-себе новое имя, почему не ос-ставил данное на Пос-свящ-щении или то, что было допреж-жь? З-захотел быть подобным Белому Творцу?

Прогоняя наваждение, жрец постучал ложкой по котлу и спрятал нож под постель для отвода бесов кошмара. Долго не мог уснуть, и как только не привлекал желательных снов! Но лишь начинала утихать смута и он задремывал, как глумливый дух, блестя жуткими глазами, твердил все то же и то же. Шипящий голос всплывал в голове и сейчас, мешая благочестивым думам.

Сандал сел и прислонился спиной к закругленному скальному выступу, напоминающему край великанского ногтя. Скрещенные руки спрятал в подмышки, подтянул к животу колени, сохраняя остатки тепла. В душе саднило. Неожиданно захотелось плакать. Последний раз он плакал, когда ему было двенадцать весен. Вновь начали терзать воспоминания о прошлом, от которых он так долго и безуспешно старался избавиться.

Вот еще чего не хватало – раскис, набряк, как скверно пошитая кожаная лодка! Жрец крепко вдохнул-выдохнул, принудил себя встать, обманывая ослабшее тело насильно воспрянувшим духом. Он сейчас попробует обмануть и память, порассуждает о несуетных смыслах. Если удастся закрыть вход застарелым думам о давным-давно прожитых веснах, божье благоволение вернется. Щурясь, глянул на близкое светило. Даже этого, по-осеннему скромного, хватало на весь необозримый Срединный мир. С высоты солнца долина Элен, объятая горами, наверное, кажется пылинкой на земной груди. Почти на том уровне, где исчезают в ветре завитки очажного дыма, пушится крона священной лиственницы. Сандал подумал, что, пока еще месяц молодой, надо бы прийти к дереву, поговорить с ним, щедро кропя могучий комель топленным маслом.

В долине величественная Матерь Листвень видна со всех сторон. С утеса ясно угадываются восемь граней чаши-поляны, где она стоит. Будто восемь лучей звездной Северной Чаши, повторяющей направления Орто. Недаром старики называют долину Элен Перекрестьем живых путей. Рядом с поляной на отлогом увале дружно растут стройные сестры, намного превосходящие высотой деревья соседних лесов. Кругом опрятно, и тени прозрачны, всегда полно ягод и птиц. Плавню огибая увал, с нагорья бежит чистый ручей. Взятая из него вода не плесневеет, сколько бы ни стояла в ведре. На дне ручья из сердца земли бьет горячий родник, поэтому ручей не замерзает зимой. И реденькая травка на мели у каменистых бережков не признает зимы – вечно зелена. Не успеет одна мурава напрочь смыться, как на смену ей проклевывается другая. В морозы над ручьем клубятся облака белого пара. Опасно подходить близко. Осядет влажный пар частыми каплями на одежду, выйдешь, будто из теплого дождика, и стынь превратит меховую доху в гулкий железный панцирь.

Говорят, древней лиственнице столько весен, что такого огромного числа просто не существует. Земные души многих мальчишек, хваставших когда-нибудь забраться на ее вершину, давно спят в похоронных курганах. Иные, взрослея, становились героями войн, но этого мальчишеского подвига – дотронуться рукой до самой высокой ветки – так никто и не совершил.

Перед каждой военной напастью ботуры ходили к Матери Листвени с молитвой. Те, что видели солнечный луч, купающийся в ветвях, возвращались из боя живыми.

Должно быть, священное дерево хорошо помнит последнюю войну. Помнит великое сражение с гилэтами...

Жрец нахмурился.

Гилэт. Это имя он носил все свое нерадостное детство.

Внезапно опять подступили, нахлынули непокорные воспоминания, перехватили сузившееся отчего-то горло. Внутреннее зрение вновь стало глазами ребенка и явило незабываемое. Сколько бы весен ни носил за спиной человек, ребенок в нем остается пожизненно. Не взрослея в памяти, приспевает в мыслях, когда не ждешь. Тычется в грудь, доверчивый, ищет спасения от давних обид и страхов, словно скулящий зверек... размягчает человека до слез, до бессильной, пронзительной жалости к себе, маленькому.

* * *

Мальчик долго называл матерью старую служанку госпожи, которая считала себя хозяйкой двора и кухни. Когда он подрос и стал многое понимать, она проворчала однажды:

– Ты – подкидыш, чужой человек, не нашего племени мандров. Тебя, новорожденного, нашли на пороге. Соседи болтали, мол, старик с младенцем на руках сперва постучался к ним. Назвался гилэтом и сказал, что твоя мать умерла родами. Как видно, прознав о родившемся у госпожи сыне, гилэт понадеялся, что и тебе перепадет молока кормилиц. Пришлось мне и слугам возиться с тобой, выкармливать и воспитывать. Всю жизнь будешь расплачиваться с госпожой.

Мальчик подумал, что Гилэт – имя его отца или деда. Мальчика тоже все звали Гилэтом.

– А после старик не приходил? – спросил он.

Служанка не ответила и сердито отвернулась. Гилэт понял, что больше она ничего не скажет.

Помогая соседскому конюху чистить лошадей, он, как бы между прочим, поинтересовался:

– Помнишь ли ты старика, который бросил меня на пороге? Говорят, вначале он побывал в вашей усадьбе.

– Отчего же не помнить, – ухмыльнулся словоохотливый конюх. – Старик был тощ, одет в рубище, куцая борода торчком, а глаза как у безумца. Твоя мать, по его словам, умерла от родов. Он умолял хозяев взять тебя, сулился забрать потом и хорошо заплатить. Ну, взяли они, но после того, как старик ушел, посоветовались и раздумали.

– Что они со мной сделали? – взволновался мальчик.

– А то не знаешь? – хохотнул конюх, щелкнув несмысленно по лбу. – Тихонько подкинули твоим господам на порог, и вся недолга. Нищий был старикашка. Оборванцы, вестимо, все мошенники, вот и этот, дескать, обманет, жди его хоть до того, как ворон жаворонком запоет. А твои хозяева – богатеи, что им лишний рот? Прокормят... Так и вышло – вишь, какой парнище вымахал!

– Никто за мной так и не явился?

– Год пролетел, уж все позабыли, а старец возьми и предстань, как обещался. Да важный, да на добром коне, в справной чистой одеже. Вытащил с-под плаща кошель, видно, увесистый...

– И что же?! – в нетерпении воскликнул мальчик.

– Что-что! Локти себе покусали мои дураки-то – не вышло разбогатеть! Кинулись в ноги ему и наврали, будто помер ты вскорости от детской сыпной болячки.

– Почему они так сказали?

– Стыдно, поди, стало, – буркнул конюх нехотя, о чем-то думая.

– Имя старика было такое же, как у меня?

– Откуда мне знать? – отмахнулся конюх с раздражением. Неожиданно забеспокоился, оглянулся вокруг и предупредил: – Ты смотри не болтай никому, о чем я рассказал. Молчи, не то надеру уши!

Несмотря на пинки, подзатыльники и тяжелую кухонную работу, мальчик рос на удивление крепким, а к десяти годам сильно вытянулся. Хозяйский сын, носатый Вала́х, его ровесник, скоро оказался на голову ниже. Казалось, весь рост Валаха ушел в носище, как нарочно украшенный еще и выпуклой темной родинкой на самом кончике. Статность служки бесила господина, маленького, но уже властного и безжалостного. Каждый раз он придумывал унижения все более изощренные и болезненные. Валаху нравилось думать о кухонном мальчишке как о собственном рабе.

Днем Гилэт терпел и молчал. А ночью плакал от нежелания просыпаться завтра для новой боли и новых обид.

Особо изводил его Валах своей излюбленной шалостью – игрой в цель. Проказник мнил себя метким стрелком и пулял мелкими камешками в Гилэта, воображая его мишенью. Сердился, если промахивался, но и когда попадал, гневался тоже. Гилэт обязан был увернуться, иначе зачем нужен такой неуклюжий раб? Стащив однажды тяжеловесный охотничий лук отца, бедокур забрался на крышу, кое-как оттянул тугую тетиву и крикнул оттуда ничего не подозревающему служке:

– Эй, «мишень», стреляю!

Гилэт лишь оглянуться успел, и будто ветер лихо свистнул в его ушах. Следом – опрокинувший наземь толчок с оглушительным шумом в правом виске и дикая, небывалая боль.

Маленький господин изрядно напугался. Оправдываясь перед отцом, бормотал, что все получилось случайно... он не хотел... кухонный мальчишка сам попал под стрелу, пробегая мимо!

Граненая стрела, пущенная сверху, хоть и с наполовину натянутой тетивы, постаралась лучнику угодить. Косо пробороздила «мишени» правую сторону лица от виска до рта и прошила веко. Через месяц веко срослось в изорванном углу, словно слиплось. Навсегда осталось немного прикрытым, придав лицу чуть надменное выражение. Ладно хоть зрение не пострадало. Гилэт едва не умер от потери крови, служанки еле выходили его.

Отец впервые крепко наказал избалованного пострела, чтобы не смел увечить слуг. А главное – не брал вещи взрослых без спросу. Носатый Валах стал лучше обращаться с Гилэтом. Однако мальчик, хорошо изучивший злокозненный нрав юного хозяина, не верил в чудеса столь скорого исправления. Гилэт ждал каверзы и боялся пуще прежнего.

Как-то раз мальчишки отделились дома и встретили в степи всадника из дикого кочевого племени. Может, всадник проехал бы мимо, но они побежали. Это раззадорило мужчину. Развернувшись, он ловко зацепил арканом ногу отставшего Валаха. Господин упал, Гилэту пришлось остановиться.

Вначале Валах вздумал угрожать незнакомцу расправой родичей. Сообразив затем, что тот не понимает языка мандров, предложил выкуп – протянул короткий кинжал, который повсюду таскал с собой. Кочевник с интересом взял оружие. Согнул в дугу, сломал и со смехом зашвырнул в ковыль. Тогда Валах кое-как объяснил на пальцах, что готов отдать раба за свою свободу. Всадник снова засмеялся. Носатый в отчаянии принялся срывать с Гилэта одежду, показывая, какой у него сильный невольник. Мужчина задержал Валаха жестом и согласно кивнул, подтверждая, что торг состоялся. Аркан не без помощи бывшего теперь хозяина закрутился на шее раба.

– Дикари сгноят тебя, «мишень», – успел весело шепнуть ему Валах на ухо перед тем, как опрометью кинуться прочь.

Лица кочевников были свирепы и плоски, как колени. Мальчишку встретили радостными возгласами. Повертели в разные стороны, цокая языками и дергая за волосы. Уверенный, что за этим последуют такие мучения, каких он дотоле не знал, Гилэт помертвел. Но страшные люди быстро потеряли к нему интерес, взбудораженные ловлей кобылицы, предназначенной к ужину. Новый хозяин велел прислуживать у костра и тоже бросился в гущу потехи. Подставив чашу под взрезанную на шее вену еще живой кобылицы, кочевники с жадностью пили дымящуюся кровь.

Гилэт взял бурдюки из-под воды и медленно побрел к речке. Новый хозяин не смотрел на него, занятый шутилой борьбой за обладание чашей.

Мужчины выдирали ее друг у друга из рук и громко хохотали, скаля кровавые рты. Они не заметили, как мальчик подошел к берегу.

Бурдюки упали в песок. Гилэт неслышной змейкой скользнул в воду. Выбравшись в кустах на другой стороне, он во все пятки пустился по степи неизвестно куда. Ни разу не оглянувшись от страха.

* * *

Если б кто мог сплести веревку из дорог и тропинок, которые Гилэт прошел за два года, наверное, можно было перепоясать ею весь Срединный мир. На эту пыльную, снежную, грязную веревку через каждые три-пять дней пути были нанизаны городки, острожки, деревушки, большие и малые обиталища разных племен и народов. Мальчик постарался подальше уйти от прежних хозяев. Стороной обходил становища кочевников. Везло – так ночевал в закутках подворий, лесных охотничьих шалашах или хлевах с коровами. Не счастливилось – перемогал ночь в брошенных звериных логовах либо просто в траве под кустом. Перебивался редким заработком, попрошайничал, воровал мелкие вещички, еду и одежду. Несколько раз его избили. Руку сломали, еле срослась. Он стал умнее, научился прятать приметный шрам под капюшон удачно украденного на ярмарке плаща... И вот – угодил к жрецам.

Сандал и сейчас вспыхнул стыдом, вспомнив, как это случилось. Хотел усилием воли свернуть досадную память – и не сумел. Давние дни вцепились в мысли не хуже клеща. Не желали сегодня его отпускать.

Селенье скрывалось в небольшой горной котловине. Гилэт все утро наблюдал за его жителями, прячась в выемке кряжа. Он удивился, не заметив здесь детей и женщин. Не было слышно ни лая собак, ни громких криков. Молодые и пожилые мужчины в длинных светлых одеждах двигались спокойно, неторопливо выполняя обычную работу. Когда солнце подкатило к полудню и залило котловину особенно щедро, все немногочисленное население сгрудилось и, смиренно опустив головы, гуськом зашло в большой белый дом. Двери остальных остались распахнутыми.

Мальчик немного подождал, наметив для набега жилище, стоящее в стороне. Эта одинокая изба, шире и добротнее других, обещала неплохой улов. Не теряя времени, он поспешил спуститься с кряжа и заглянул в нее. На стенах полупустой горницы висели веники лекарственных трав, полки над столом прогибались от тяжести прикрытых берестяными крышками глиняных горшков, наполненных какими-то душистыми снадобьями. Гилэт осмотрелся в поисках чего-нибудь стоящего, что можно было обменять в другом месте на молоко и лепешки, и ничего не нашел. Только на столе лежал странный предмет – неказистая с виду укладка, обшитая ветхою кожей. Мальчик открыл крышку. Укладка не была поллой внутри. Ее плотно заполняли подшитые с одной стороны и ровно сложенные один на другой квадраты еще более ветхой желтоватой кожи, сплошь испещренной черными закорючками. Они напоминали тавра, какими метят коней. Колдовская, верно, штука, да и вся другая утварь здесь похожа была на чародейскую. Мальчик опасливо отдернул руку. Но все же, поглядывая в окно, наскоро порыскал по

полатам. Зря, что ли, рисковал? Убедился, что здесь нет вещей, которые могли бы ему пригодиться. Подхватил с загнетки котелок с мучной похлебкой и во весь дух помчался обратно.

Очутившись за прикрытием, Гилэт первым делом достал из заплечного мешка деревянную ложку и съел половину похлебки, приправленной зеленью и кореньями. Она оказалась вкусной. Приморенный солнцем и сытый, мальчик нечаянно уснул. Очнулся лишь под вечер. Высунулся из-за камня: кругом было тихо.

Уйти или остаться еще на день? Размышляя, Гилэт выхлебал варево через край. Хотел поставить котелок на землю, но произошло нечто непонятное и страшное – посудина не отрывалась от рук! Мальчик в ужасе уставился на ладони, ставшие продолжением железа, как если бы их отливали вместе. Он тянул котелок и так и этак, зацеплял его за край каменной зазубрины, смачивая слюной. Колотил о валун изо всех сил, забыв об осторожности. Пытался всунуть зубами острие ножа между железом и ладонями... Напрасно! Пришлось спуститься к выходящему между гор ручейку. Всю ночь просидел у ручья, опустив руки с котелком в бегучую воду, утешавшую боль ободранной кожи.

Ранним утром старик с седой бородой и седыми волосами – то и другое до пояса – открыл дверь незваному гостю. Посторонился, несколько не удивляясь тому, что он чумаз, заплакан и держит в израненных руках пустой, изрядно побитый котелок. Лишь брови насмешливо приподнялись на высоком загорелом лбу.

Старик что-то сказал на чужом наречии. Гилэт не сдержался и всхлипнул. Раз за разом седобородый произносил слова на всяких говорах, но мальчик отрицательно мотал головой или отвечал, коверкая слова. Тогда старик морщился.

– Да будут благословенны дни твои. Проходи, не бойся, – молвил он наконец на языке мандров.

Опустив голову, незадачливый воришка вошел в увешанную сушеными травами избу и вскрикнул: легко отделившись от рук, котелок упал и покатился по полу.

– Сядь на лавку, – пригласил хозяин как ни в чем не бывало. – Итак, твое имя?

– Гилэт, – пробормотал мальчик.

Старик отчего-то дрогнул и переспросил:

– Гилэт?!

Повторил взволнованно:

– Значит, Гилэт... Знаешь ли ты, мальчуган, что носишь имя не человека, а народа?

– Так звали моего отца.

Старик внимательно взгляделся в полосатое от слез и грязи лицо гостя.

– Судя по чертам твоего лица, ты не гилэт. Вроде и не из мандров, хотя говоришь на их языке.

Мальчик в растерянности пожал плечами и подумал: «Кто же я, если имя мое – не имя, а народ? Может, и человек, оставивший меня незнакомым людям, не родной мне вовсе?»

Тыльной стороной ладони старик коснулся шрама на щеке:

– Кто тебя так?

– Валах, мой хозяин.

– За что?

– Это была игра с луком...

Больше старик ничего не спросил, даже о котелке с похлебкой. Только все ходил из одного угла избы в другой и, скрестив пальцы, странно ими потрескивал. А мальчик уже не мог думать ни о своем имени, ни о чем другом. По крайней мере, пока. Ему, беглому рабу, бродяжке и вору, всю ночь лившему слезы в горный ручей, было предложено остаться здесь.

Отрок Гилэт – его звали так еще долго – стал самым юным жителем жреческого селенья.

* * *

На восходе и перед закатом жрецы в одиночестве молились Творцу, а в разгар солнцестояния возносили совместные молитвы в большом белом доме с распахнутыми дверями. Все остальное время, если не занимались лечением людей и священным напутствием, над чем-нибудь трудились, чтобы руки не отвыкали от мозолей, хотя большой надобности в таком усердии не было. Безбедно живущий окрест народ считал свое благоденствие плодами жреческих молитв и не мог нарадоваться полезному соседству.

Хозяева богатых усадеб приносили молоко и масло. Охотно делились бы рыбой и мясом, но «озаренные» – таким было общее прозвище жрецов – не принимали ни мясного, ни рыбного. Ели мало, одевались во все белое, воздерживались от лишнего отдыха и сна, похвалы и суесловия. А кроме того, даже нестарые жрецы равнодушно смотрели на женщин. Или хорошо умели подавлять в себе любострастную тягу. Укрощение плоти очищало и укрепляло дух. Эти люди должны были иметь ясные мысли и не возмущаемое пылкими желаниями тело. Лишь тогда на них во время молитвы снисходило озарение – возвышенный божественный знак, приближающий души к Белому Творцу.

Однажды на общей трапезе к Гилэту подсел один из еще не посвященных жрецов и с негодованием рассказал о жрицах священного огня. Воинственные женщины, живущие далеко, на краю земли, умели силой рук вызывать небесное пламя. Их называли удаганками. Они ели мясо и рыбу, ездили на белых конях, а молились Солнечной Лошади, создавшей, по их мнению, Вселенную и все живое.

– Это бы можно простить – кому, в конце концов, известно, как выглядит Белый Творец? – прошептал неозаренный, опасливо оглядываясь на старших. – Но удаганки, говорят, общаются не только с богами неба и земными духами. Они на короткой ноге даже с бесами Нижнего мира! Кочуют по всем мирам и живут, где понравится, сколько захотят!

Улучив время, когда верховный жрец, седобородый Ныйка, освободился от очередного дела, Гилэт отважился заикнуться об удаганках.

Ныйка посмотрел на мальчика внимательно и как будто с жалостью:

– Ты веришь в то, что человек способен мановением рук вызывать огонь?

– Нет, но...

Гилэту очень хотелось спросить о способностях, приписываемых самому Ныйке. Мальчик не решился. Отошел, остался наедине с множеством вопросов и путаных мыслей.

Имя верховного означало Кающийся, а первого его имени, которое он носил долгие годы до озарения, никто не знал. Молодые жрецы шушукались, что старик в свое время служил одному из демонов, врагов Белого Творца, и к настоящей вере пришел ценою страшных испытаний. Мол, смог выжить и ускользнуть от демона благодаря умениям становиться невидимым для духов зла и проходить в игольное ушко. Но сколько ни следил за Ныйкой мальчик, тот ни разу не воспользовался колдовскими приемами. Если не считать случая с прилипшим к рукам котелком...

Верховный жрец не выделял Гилэта среди других. Между тем всем было известно, что он ходит у Ныйки в любимцах. Гилэт тоже чувствовал, с каким терпением и любовью относится к нему старик. Мальчишка страстно желал узнать, правду ли говорили об удивительных умениях Ныйки. Старался во всем подражать ему, мечтая обрести сведения, открывающие ключ к тайнам. Разведаль, что чудная вещица, в день незаконного вторжения в избу принятая за ветхую укладку, называется доммом, а закорючки в ней – письменами.

Местные люди, если хотели о чем-то известить идущих вослед, оставляли «говорящие» узелки на веревках. Метки предупреждали о встреченных иноплеменниках, возможных засадах и тому подобном. Гилэт неплохо разбирался как в узелках, так и в других оповеститель-

ных знаках. Разные племена вырезали их на бересте, вычерчивали прутом на земле и охрой на камне. Письмена древнего домма, очевидно, тоже несли в себе какие-то сообщения. Гилэт почти уверился: вот что хранит секреты колдовства, вот из чего Ньика черпает свою силу! Но старик объяснил:

– У домма много значений и смыслов. В одном из них – история. Сказания, поведенные не устами человека, а записанные рукой. Тот, что ты видишь перед собою, – домм народа по имени алахчины. Эту редкую вещь подарил мне один торговец, ездивший далеко. Он растолковал, что письма состоят из знаков-звуков.

– Отчего же я вижу их, а не слышу? – удивился мальчик.

– Потому что они спят, – не очень уверенно молвил Ньика. Помолчал и добавил: – Не хотят просыпаться ради того, кто не ведает их звучания. Ты же не станешь понапрасну болтать с человеком, не понимающим твоей речи? Вот и они так же.

– А если бы понимал?

– Звуки сложились бы в слова, слова – в сказы и целые повествования. – Ньика вздохнул: – О, я бы много дал за то, чтобы их слышать! Но спящие знаки чужого языка не повинуются мне.

– Сказал ли торговец, о чем говорится в домме?

– Здесь, по его словам, записана история алахчинов. Другие доммы, насколько мне известно, рассказывают о звездах в небе, о морях и реках на Земле. О человеческом бытии в разных странах и даже животных и птицах, населяющих Вселенную.

Гилэт взволновался: что, если он – алахчин?! Ведь обличье его не похоже ни на мандров, ни на тех же гилэтов!

– Говорят, самый первый домм о сотворении Вселенной упал с неба, – продолжал верховный. – Может быть, его послал людям Белый Творец. Недаром слово «домм», кроме прочего, означает звук, с которым утром просыпаются небеса.

– Где живут алахчины?

– Этот просвещенный и мастеровитый народ, возвышенный духом и красивый наружностью, много лет назад обитал на юго-востоке Земли. Но однажды все алахчины до единого человека по неясной причине снялись с насиженных мест и куда-то ушли. Исчезли бесследно, как туман над осенней землей.

Ньика позволил самонадеянному мальчишке посмотреть домм. Гилэт поднес вещицу к уху и вслушался изо всех сил. Загадочные закорючки молчали. Мальчик запомнил почти все и легко вычерчивал их потом прутиком на песке. Больше всего полюбился один часто повторяющийся знак. Приглядевшись, Гилэт понял, что знак состоит из двух продольных капель, входящих одна в другую, и таким образом вырисовывается глаз. Однако ни тайна этого ока, ни один из других алахчинских звуков-писмен не приоткрылись перед пытливым отроком ни на мизинец.

* * *

Пока ученик не вырос в высокого сильного юношу, старик обучал его многим навыкам жреческого познания, но чар и превращений так и не показывал. Одной из главных наук было смирение. Оно якобы помогало противостоять искусам.

Эти уроки принесли Гилэту тайную боль горечи и разочарования. Он постиг, что простому человеку никогда не научиться чудотворству, будь он хоть семи пядей во лбу. Понял, что волшебный дар дается свыше при рождении лишь единицам. На то он и дар – великий подарок Творца.

Гилэт терзался, слыша от жрецов о чудесах, совершаемых колдунами. И он бы так мог! Сумел бы лучше других, ума и упорства ему не занимать. Но – нет. Не дано... Не дано! Он полжизни готов был отдать за малую толику дара.

– Смирение – это покаяние, – внушал Ньика. – А покаяние – молитва истинной совести.

– Бывает не истинная?

– Бывает...

– Скажи, что такое истинная совесть? – пытал Гилэт.

– Справедливый и беспристрастный суд твоей души над твоими же мыслями, словами и действиями, – невесело усмехался старик. – Ведь наша жизнь состоит из деяний нрава и разума, а эти двое – нрав и разум – любят поспорить друг с другом.

– И кто из них прав?

– Совесть.

Внешне парень смирился, но боль осталась, продолжая саднить раненное неизбранностью сердце. Нрав Гилэта не хотел привыкать к тому, что он такой же обыкновенный, как остальные. Разум Гилэта не желал верить, что он не входит в исключительное число осиянных огнем чудесного дара. В этом его главные спорщики были согласны.

От отчаяния и обиды парень направил думы на молитвы, склад благотворительных слов и все необходимое для звания жреца, а внимательность рук – на врачевание хворей. Вскоре он в равной мере овладел знанием человеческого костяка и плоти. Навостренное ухо привыкло чутко улавливать малейший сбой в ритме сердца через коровий рожок, приставленный к груди недужного. Гилэт лучше многих озаренных научился вправлять людям кости, оживлять ослабевшие мышцы и заставлять кровь веселее бежать по жилам.

Для себя он взял в толк, что, хотя к высоким жреческим знаниям, имеющим разные уровни до девятого высшего, чародейство не добавляется, зато управлять ими и толковать их можно бесконечно. Как удобно нраву.

По прошествии некоторого времени верховный жрец благословил любимого послушника к первому озарению. Беспокойная душа Гилэта вспыхнула верой и неизведанной благодатью. Посвященные говорили, что озарение – как солнце, внезапно вспыхивающее в голове. «Твоя душа наполнится небесным духом, вольной птицей воспарит вслед за мыслью, подаренной Белым Творцом...»

Все доподлинно так и оказалось. Вначале Гилэт, стоя на возвышении, прочел молитву и, затаив дыхание, долго ждал. Почти уже убедившись, что ничего не получится, вдруг всем телом почувствовал необычайно легкий воздух. Не тот, которым привык дышать, а другой – горный, возвышенный и возвышающий.

С тихим звуком, похожим на вздох облегчения, отворились кости темени. Полыхнул свет – яркий, невообразимый огонь, пронизавший тело насквозь. Он заставил трепетать каждую мышцу, каждую жилку и косточку. Поры кожи, точно множество глаз, распахнулись навстречу солнцу, открывая такую даль, какой Гилэт и во снах не представлял. Земля казалась покатой равниной, зрение беспрепятственно достигало четырех краев безбрежных пределов и четырех между ними. В зеленых просторах угадывались леса, в синих – моря и реки, в снежно-сером камне разглаженных гор пестрели цветами луга. Стремительно приближаясь, огромный мир отчетливо являл малое: беличий хвост-огонек, мелькающий на сосне, стайку радужных рыбок в волнах прилива, сиреневый трепет луговых цветов на ветру. Душа Гилэта соприкасалась с нежными душами всего сущего и ощущала древнюю мудрость капель и крох, создающих громады Вселенной. Упруго звеня, чарующий свет закружился столбом, сузился книзу, истекая в чью-то незримую горсть. Мягко подпрыгнул, оттолкнулся от головы новоозаренного теплый солнечный луч. Кости темени мгновенно затянулись... и все кончилось. На поверку чудо длилось лишь миг, однако успело вместить в себя добрый отрезок времени, свободный от земного исчисления.

В конце таинства Гилэт получил новое имя. Его называли Санда. На языке, избранном жрецами для общения, оно означало «Такой-же-как-все».

...Такой же, как все!

Посвященный был вновь сокрушен и подавлен. Счастье первого озарения потухло в нем. Непредвиденное ненастье загасило луч радости от родства со Вселенной. Мало того, что имя не приглянулось, оно показалось оскорблением, будто на этот раз пробуравили стрелой не лицо, а грудь, прошив острием сердце! Ньика прямо дал знать, что Гилэт... что Санда такой же, как никем и ничем не выделенные люди. Что он – частица суетного большинства, мимо которого с полным безразличием пронесся божественный выбор!

Верховный, неизменно откуда-то проводывавший все про всех, неожиданно напрямик спросил в посторонней беседе:

– Тебе не нравится имя?

Вместо ответа молодой жрец низко опустил голову.

Ньика, отвернувшись к окну и о чем-то размышляя, по привычке затрещал длинными тонкими пальцами.

– Но ведь ты действительно такой же, как все, – сказал он, оставив пальцы в покое. – За исключением того, что не знаешь тех, кто дал жизнь подкидышу, найденному мандрами на пороге...

– Откуда тебе известно? – удивился Санда. Он никогда не рассказывал Ньике свою историю. Уже и сам успел подзабыть, а тут живо вспомнилось, как, бродяжничая, пытался отыскать старика, о котором говорили ему служанка и конюх. То ли деда, то ли отца – старого нищего гилэта, давшего имя народа брошенному ребенку. У старика были безумные глаза и куцая борода. Спустя год он прискакал на добром коне, важный и справно одетый. Искал мальчика, но услышал ложь и, видно, на том успокоился...

– Что ж, не буду скрывать, – ответил верховный, продолжая глядеть в окно. – В одной из своих поездок я побывал у мандров и заплатил им выкуп за сбежавшего слугу.

Санда встрепенулся:

– Я не сбежал от них, Валах сам отдал меня кочевнику!

– Знаю.

Ньика резко обернулся. С мрачным видом поднял ладонь, предотвращая поток вопросов, нетерпеливо пляшущих на губах Санды.

Наставник вернулся к разговору об имени через несколько дней. Посреди других рассуждений произнес непонятное:

– Когда-нибудь ты найдешь ту, что будешь искать... или она сама тебя найдет. Тогда ты поймешь истинное значение своего нынешнего имени и мои опасения... Многое поймешь.

– А ты, верховный, сам выбрал себе имя, которое носишь?

– Да. Раньше меня звали Ара́гор – Дар богов. Имя гордилось звучанием и смыслом, а на самом деле было ничтожным. Так называли меня старые родители. Я был их единственным сыном. Они хотели мне лучшей доли, но имя не принесло удачи... А теперь пойдем к священному огню. Я открою тебе Великое Имя Величайшего из богов.

По пути к белому дому, где день и ночь горел небесный огонь, Ньика говорил:

– Знать подлинное Имя Создателя – это больше, чем положено человеку. Однажды услышать Его Имя, повторять перед озарениями удостоены из смертных только истинные жрецы. Оно – тайный из тайных ключ, отворяющий врата молитве и знанию. Восходить по ним тебе предстоит самому в течение жизни.

– Чтобы постичь суть Бога?

– Сути Его никому не постигнуть, – тихо сказал верховный. – Человеческий разум несовершенен и груб. Он извращен ошибками предков и собственными грехами.

Помолчал и продолжил, думая о чем-то своем:

– Жаль, что души в нас мелкие, а тела большие. Пусть бы лучше было наоборот...

Они уже стояли перед огнем. Ньика замолчал и, неожиданно возложив ладони на плечи Санды, вполголоса произнес красивое певучее слово.

Имя Творца!..

Наконец-то Санда завтра впервые по праву откроет дверь для молитвы звуком-ключом. А потом снова замкнет уста зарокотом, данным Богу богов, до следующего утра. Каждый день с восхода до ночи будет жить с Именем Бога.

* * *

Уверившись в крепости своих жреческих сил, озаренные возвращались в родные места. Взамен приходили другие люди. Все они стремились обрести дух света и веры, желали научиться лечить и благословлять. Санда жадно расспрашивал прибывших об их краях и народах. Интересовался, доводилось ли слышать что-нибудь о племени алахчинов. Новички удивлялись:

– Разве есть такой народ на Земле?

Ночами Санде снилась далекая страна, покрытая мерцающей дымкой и неуловимая взглядом. Душа плакала и стонала от странной тоски по этой таинственной стране. Она дразнила воображение и тревожила сиротливое сердце. Днем жрец старался занять себя тяжелой работой, чтобы как можно сильнее устать и заставить бессонную воздушную душу – одну из трех, составляющих его существо, – остаться в здешних горах. Что толку блуждать в тумане сна над призрачной чужбиной? Но босые подошвы, ощущая трепетный гул неизведанных дорог, просились в путь, словно в ногах пробуждалась память зовущих предков. Исподволь Санда начал мечтать о земле, которую смог бы полюбить всем сердцем и назвать своей.

К озарениям нельзя было привыкнуть, однако Санда их уже не считал. Не считал теперь и вылеченных больных. В жреческом селенье давно не осталось ни одного человека из тех, с кем он проходил Посвящение.

Волосы и борода верховного, отросшие до лодыжек, стали белее вьюги. Как-то раз Ньика вызвал Санду и сказал:

– Восходы мои сочтены. Скоро я отправлюсь по Кругу. Да и тебе здесь больше нечего делать. Иди, мой мальчик.

– Куда? – растерялся молодой жрец.

– Сердце подскажет.

– Кто будет мне за наставника? – дрогнул голосом Санда, любящий Ньика как родного отца.

– Белый Творец, – улыбнулся старик бледными губами. – Иди, Такой-же-как-все. Помни: в имени, данном тебе, – залог твоего смирения и противостояния искусам. Пусть ветер странствий несет тебя туда, где у людей станет нужда в озаренном. Да будут благословенны дни твои.

Эти слова жрецы произносили вместо приветствия и прощания.

Снова деревушки, острожки, городки, как в неприкаянном детстве, принялись нанизываться на жесткие веревки дорог, что шаг за шагом вили-сплетали бродяжьи дни... месяцы... годы...

За спиной Санды болтался полупустой дорожный мешок. На дне его лежали костяные пластинки счета времени, коровий рожок для прослушивания сердца, несколько горшочков с мазями и кое-какая одежная смена. Завидев светлую жреческую доху, услышав звон колокольцев – пока всего шести на плечах, – люди открывали ворота и двери. Радуюсь желанному гостю, просили полечить их или произнести священную молитву. Угощали, смотря по достатку, поднося лепешки, молоко, простоквашу и никогда – мясо.

В иных местах Санда оставался ненадолго, в других к нему привыкали и умоляли поселиться рядом. Но он замыкал приветственно-прощальный круг:

– Да будут благословенны дни ваши.

Он уходил, потому что сердце его молчало.

* * *

Время в пути вначале бежало медленно, затем все быстрее и быстрее. Понемногу забывалась размеренная жизнь в маленьком горном селенье. Санда уже не скучал о старом жреце, как все взрослые дети, которые перестают тосковать об отцах и только с почтением вспоминают их, ушедших по Кругу.

Скопилось двадцать годовых пластинок счета времени, когда Санда познакомился с разъезжими менялами из племени нельгезидов. В этот раз они снарядились на торжища в северные земли йокудов. Большой базар проводился у Перекрестья живых путей, в славном месте Эрги-Эн по левому берегу Большой Реки через каждые пять лет.

Долго упрашивать не пришлось. Торговцы посчитали за честь взять озаренного в попутчики, надеясь на его притягивающие удачу молитвы.

Смышленный к говорам, жрец свободно владел девятью языками. Йокудский язык называющих себя саха тоже знал довольно сносно. Этому говору научил его Ньика.

Происхождение слова «йокуд» наставник толковал от тонготского слова «йоку́», что означает «предельный», а вотчину окраинного народа звал Северной Йокумёной. Верховный вещал о полных золотом горах и кишашей зверьем нехоженой тайге. О полудиких косматых лошадах и тучных низкорослых коровках, среднему человеку по плечо, дающих вместо молока сливки. О высоком лекарском, военном и кузнечном искусстве тамошних мастеров. Говорил, что йокуды полагают, будто за спинами у них развеваются невидимые лучи-обереги, ибо эти люди якобы потомки Солнца. Годы народ саха считает не по летам, а по веснам – то есть по приходу солнечных дней после зимы, расстояния же измеряет ночлегами и кёсами: один кёс дороги – время варки жеребачьего мяса. Да и течение дня, мол, разбивает на доли времени, равные доспеванию мяса в горшке-чаше «с солнцем в боках». По словам Ньики, туземцы йокуды поклонялись своим богам и духам, но почитали сущего над всеми Белого Творца. Душа у всякого северянина, как у истинно верующего, была триедина.

Только теперь жрец задумался: с какой целью верховный столь настойчиво рассказывал ему о Йокумене и населяющем ее племени? Зачем выучил языку, чем-то напоминающему речь степных народов?..

Ни одного человека саха Санда еще не видел, и ему было любопытно.

Дорога оказалась нелегкой. Сперва на плотях по недавно вскрывшейся весенней воде, затем на оленях, вымененных у кочевников. Мощные жилы рек, раскидистые жилки проток, бесчисленные нити норовистых и спокойных речушек густой светлой сетью опутывали Великий лес-тайгу. Спешили влиться в Большую Реку по всей бескрайней дали, от восточных верховий до широкого северного устья у ледяного Мерзлого моря.

Там, на конце Вселенной, в море впадает Река Мертвецов с двойным супротивным течением. Правое течение возносит вверх к Срединной земле обновленные души, левое влечет вниз отжившую плоть и ненужный хлам в Нижний мир. В нем, исподнем, все наоборот: мертвое делается живым, битое – целым, старое – новым. Жители Нижнего мира общаются на нелепом, темном языке – мрачном языке страшных пещер и гиблых топей. Не могут красивые слова произрастать в таких ужасных местах. Люди не понимают немыслимое для их слуха бесовское словоблудие так, как оно на самом деле звучит. Дикий говор переворачивается наизнанку в человеческих ушах и превращается в певучую, гладкую речь. Поэтому во время некоторых обрядов, когда народ вынужден обращаться к нечистой силе, он поет им песни так же, как богам и

добрым земным духам. Цветистый склад песенных слов лучше всего доходит до слуха чертей, ибо особенно сильно извращается на входе в Преисподнюю. Подлинный адский язык известен лишь шаманам. Только они могут проникать туда по большой надобности. За это Преисподняя мстит многим из них после смерти. Захватывает и никогда уже не выпускает в Круг души, обреченные на вечные страдания.

О Нижнем мире Санда раньше слышал от Ньики, о других невероятных вещах узнал впервые. Если верить бывалым торговцам, студеное морское дыхание в той стороне продувает почву насквозь и деревья растут не выше мелкого кустарника. А у берегов над скрипящей шугой летают стаи пестрых птиц, и такая их прорва, что сплошные крылья на целых полгода затмевают солнце.

– Как же люди живут без света? – удивился Санда.

– Чего им не жить, если взамен солнца в небе день и ночь горят сполохи разноцветного огня, – пояснили ему.

– Разве их видно сквозь крылья?

Торговец усмехнулся – мудрый жрец, а сам не может скумекать.

– Смертным птицам не заслонить отражения студеного костра властителей Нижнего мира.

– Почему – отражения?

Ох уж настырный! На выручку товарищу пришел второй купец:

– Оцепеневшее от холода небо над тундрой давно превратилось в гигантскую пластину льда, вот и отражает все, что на потусторонней земле происходит.

Первый степенно продолжил:

– Из темных глубин моря часто выползают бесовские звери – черные бесшерстные коровы и быки с нерпичьими лапами. Кожа их блестит, как звездная ночь, а лбы комолы, зато страшные усагие пасти щерятся клыками. На этих быков охотятся люди, называющие себя прибрежными луора́бе. Они строят жилища из шкур морских оборотней и ездят на собаках. Молятся чете морских духов – вонючему старикашке размером с мышь и громкоголосой бабке. Туловище старушонки круглое, ножки кривы, тощи, сама ростиком с паука...

Дальше рассказывали, сменяя друг друга:

– Те из наших, кто свел знакомство с прибрежным народом и рискнул попробовать мясо зверей Нижнего мира, уверяли, что оно, пока свежее, по вкусу не хуже оленьего.

– Между тем случайно забредшие на побережье медведи, волки и лисы, едва завидев демонических пришельцев, сразу седеют от ужаса. Поэтому все земные звери там белые, кроме оленей, привычных к явлению чертей...

– У прибрежных луора́бе есть тундровые родичи. Они кочуют по равнине и сопкам со стадами коренастых, очень жирных оленей.

– Можно жарить мясо этих оленшков в котле без воды – столь сально, что к днишу не липнет!

– Богачи, говорят, владеют несметными стадами.

– Сами хозяева не в силах их сосчитать!

– А в пещерах острых северных хребтов живут волосатые чучуны – снежные недочеловеки...

– Они воруют в стойбищах женщин и детишек!

Санде стало не по себе. Хорошо, что до ледовых просторов Мерзлого моря, скрытого голой горной цепью, все же не близко и не туда направляются стопы храбрых нельгезидов. Но и тут, близ Большой Реки, стремящейся к морю, изломы обнаженных гольцов вспарывали землю, как зубы младенца десну. Почва внутри была каменно-ледяной. Деревья плохо росли в высоту, а корни их спускались вглубь не ниже, чем в размах рук. Здешние леса могли похватать лишь гушиной путаных дебрей. В иных чащобах не то что человеку, но и проворному

зверю было не пролезть. По паволокам, пологим откосам, по краям круглых аласов расплзалась темная тайга. В ней неумолчно пели птицы. Кукушки отмеривали годы чьих-то жизней, по ночам пугающе хохотали совы. Всюду лазоревыми каплями мерцали озера, оправленные в ивовые оборья... Странная, суровая и прекрасная земля – Северная Йокумена!

* * *

Все чаще стали встречаться стойбища кочевников и островки йокудских поселений. Вскоре к отряду примкнуло несколько конных йокудов и оленный человек племени ньгамендри. Они тоже направлялись на торжища. Нельгезиды с ходу начали предлагать им какие-то безделушки за богатые меха.

Молодой ньгамендри пустился в незнакомые земли впервые. Топор у него был каменный, а наконечник на копье костяной. Раздосадованные несговорчивостью спутников, торговцы принялись насмешничать над диковатым парнем.

В Санде кровь забурлила от возмущения. Он уважал родичей тонготов ньгамендри, славящихся честностью и прямоотой.

– Ньгамендри не ведают хитрости и обмана, – заметил негромко. – Им, наивным, известна только гордая правда.

Торговцы сразу замолчали.

Новые попутчики прониклись к Санде почтением. Справедливые речи, толковые советы и обширные познания жреца заставляли думать о нем как о глубоко умудренном опытом человеке. Величали его по-здешнему – Сандамом, что означало Лучезарный. За долгие дни пути жрец привык к новому имени. Звучание казалось завершенным, да и смысл, что уж говорить, был куда казистее прежнего.

Как-то раз, отходя ко сну, Сандам вспомнил Ньику и стал мысленно оправдываться перед ним:

– Мне неизвестно, кого или что я должен найти. Я до сих пор не знаю, кто она – та, которая меня ищет. Да, еще надо признаться, учитель... Прости, мое имя снова поменялось.

Глянув на него сурово, старик, по своему обыкновению, затрещал длинными пальцами. Догадываясь, что уже спит и видит наставника во сне, Сандам виновато опустил голову:

– Имя теперь слышится по-другому, и значение у него иное...

– Какое же?

Жрец объяснил, запинаясь от неловкости. Попытался защититься:

– Не все ли равно, как меня величают внешне? В сердце я остался прежним. Я – Такой-же-как-все и благодарен тебе за благословение. За то, что ты воспитал меня... вразумил, вырастил...

– Разве ты вырос?

Ньика печально улыбнулся, перед тем как покинуть повелевающую снами воздушную душу жреца. Сандам с обидой понял, что верховный не возраст имел в виду.

* * *

Начался Месяц белых ночей⁴¹. Йокуды ласково называли их кумысными. Едва успевало пожариться на костре олень стегно, нанизанное на рожон в закатных лучах, как почти тут же рассветало. Несмотря на усталость, засыпали часто под утро.

⁴¹ Месяц белых ночей – июнь.

Старшой конников, мужчина внушительного и бывалого вида, был мастер петь красивые песни-притчи. Одна из них полюбилась Сандалу.

Может, было оно, может, не было, говорят, будто люди бессмертные со святыми богами и духами населяли небес девять ярусов, понимали язык всего сущего, жили в сытости и благоденствии. Сверху – солнце с луною бессменные, снизу – реки-озера молочные в берегах из пушистого кёрчэха...⁴² Разве есть жизнь подобная где-нибудь?

Но однажды постыло пресыщенным бытие, столь волшебное прекрасное. Грезить начали, неблагодарные, о страстях и победах неведомых, о земле немудреной, да собственной.

В том, что киснет, известно брожение, – так железо исходит окалиной, гнется, крутится и выпрямляется; так ждет встряски ытык⁴³ перед праздником для кумыса с закваскою дедовской... Боги с духами страшно разгневались. Девять ярусов враз продырявили до небес, называемых пешими, да в прореху людей и низринули!

Вот уж встряски дождались ослушники! Шлеп! – и твердь вместо мягкого облака! Прыг! – мороз вместо теплого воздуха! Скок! – нужда вместо благополучия!

Сами были в беде виноватые, а для склада Вселенной все правильно, словно с промыслом добрым содеялось. Средний мир лег меж светом и темнью, день у Верхнего взял, ночь – у Нижнего. Время года разбилось на четверти, чтобы после зимы, стужи-голода потрясала весна, как чудесное от смертельных оков избавление. Вслед за тем в Круг исконный протиснулась жизнь земная – четыре мгновения от пытливого детства до старости.

Осухай⁴⁴ за осушаем опускается время отжитое в столб прозрачный – священную коновязь. На пластине заходов и выходов отмечает бог судеб рождение, жизнь и смерть человека – и далее по пути круговому обратному, если жизнью прошел испытания... В них искусен богатый загадками бог Дилга, волю-дух проверяющий!

Почти целую луну отмечал Сандал нарезками дни на костяной пластинке, прежде чем путешественники добрались до Эрги-Эн.

Базар был многоликим и шумным. Жрецу еще не приходилось видеть такого огромного человеческого скопища. Со всех сторон Великого леса собрались купчие люди с товарами, охотники со связками блескучих собольих шкурок и скатками толстых звериных шкур. Мастера предлагали свои творения. С разным интересом и выгодой бродили по кругам Эрги-Эн переходящие странники, сказители, певцы, умельцы играть на поющих и шумящих инструментах; люди, любящие повеселиться и потешить силушку в состязаниях.

Противоположный берег закрывали неохватные взглядом, неприступные скалы. Они вздымались прямо из волн Большой Реки, словно древние боги зачем-то построили здесь заслон и сами рядом оцепенели. Серебряная вода отражала их угрюмую окаменевшую плоть, забранную в пластины складчатой брони.

Где-то за хребтами укрывалась широкая долина Элен, в которой раскинулись шесть аймаков. Небывалое поселение людей йокудов-саха, имеющее даже собственное войско. За каменным мысом не было видно крыш юрт и дыма, рассеянного в низких ветрах. Однако из глубины северной части долины взмывала ввысь верхушка величавой лиственницы. Более мощных и прямых жрец нигде еще не встречал: во всей Йокумене деревья тонки, мелковетвисты и растут густо, как кустарник. Могучая лиственница притягивала взгляд, заставляла задуматься... С глаз будто снялась мерцающая дымка сна. Пронзило догадкой: вот оно, великое священное древо, связующее миры! Люди саха зовут его Ал-Кудук, другие племена по-своему.

⁴² Кёрчэх – свежие сливки с добавлением ягод, взбитые в пышную массу.

⁴³ Ытык – круглая волнообразная мутовка для взбивания молочных продуктов.

⁴⁴ Осухай – праздничный обрядовый хоровод. Осухай – хоровод времени, обозначение недель, месяцев, времен года.

Но как бы кто ни звал – Пуповиной земной, Осью Вселенной, Колыбелью рождения времен, Перекрестьем живых путей, – к нему бегут добрые дороги этой стороны Земли, вокруг него вращаются светила. Потому и ночи здесь в вершине года белые, как на рассвете – на восходах нового дня!

В южной части Элен за речными скалами выступали ощеренные зубцы причудливых голых и лесистых гор. А поверх нагромождения бурых и серо-зеленых громадин, поверх всего Великого леса на день пути кругом грозно возвышался гладкий белый утес. Он напоминал исполинский палец. Чуть приподнятая левая стена образовывала на вершине округлую складку наподобие выступающего ногтя. Такую заметину не забудешь, ни с чем не спутаешь и сразу найдешь. Оттого-то в удобном левобережном Эрги-Эн, в середине верхнего течения Большой Реки, проводились торжища. Вздрыбленный из Срединной земли перст-колосс словно упреждал: человек, ты можешь остановиться здесь лишь с мирными помыслами!

Потрясенный увиденным, Сандал ушел в лес подальше от людей. Забрел на пушистую, белую от лепестков первоцвета веселую полянку в березовой роще. Захотелось, пока поблизости нет никого, прилечь к благоухающим травам, почувствовать грудью волнение и бег земных, разогретых лучами соков. Жрец оглянулся из-за плеча, стесняясь, – не смотрит ли кто? Упал с раскинутыми руками в ласковое облачко цветов... и вспомнил из снов запах этой земли и цвет. Всеми легкими вбирал он нутряные, сладковатые почвенные пары и не мог надышаться.

И засмеялось, воспарило к горлу, мешая дыханию, возликовавшее сердце! Вот она – земля, что искала его и звала. Ведь не раз уже думалось, что лицом он больше всего похож на людей йокудов-сахы. Глазами – неширокими, но и не узкими, с неяркой искрой, как ягоды черешни в листьях век, загибающихся к вискам черенком. Носом прямым и четким, не то что у тонготов и ньгамендри, чьи плоские носы едва выступают из круглых щек...

Может быть, тут, прямо под ним, Сандой, Таким-же-как-все, спят сейчас в святой глубине его неизвестные предки! Мудрый Ньика предвидел это, вот почему столько говорил о Йокумене... Значит, верховный жрец все-таки обладал чудодейственным даром ясновидения? А ведь ни разу о том не обмолвился.

Здесьшний народ понаслышке знал о жрецах от приезжих, однако слава лучезарного Сандала прилетела сюда быстрее его самого. Кто-то успел разнести весть о прибытии озаренного. Когда он изъявил желание поселиться в долине, старшины аймаков были польщены, но не удивились. Не мог человек, познавший мир, увидеть прекрасную Элен и выбрать для жития другую землю! Отобрав в окрестностях четверых неженатых целителей и заклинателей, Сандал основал маленькое жреческое селенье у подножия утеса-перста.

Старики предупреждали, что люди саха не строят юрт в горах и середках долин. Всем известно – эти места, имеющие нравные и сумасбродные души, любимы нечистой силой. Лучше жить в укромных углах широких полей среди молодой поросли. Жрец заверял: Каменный Палец схож с волшебной Коновязью Времен, значит, близок к Дэсегею. А разве божественный прародитель даст в обиду любимых детей? К тому же особый гадальный ковш, щедро разбрызгавший кумыс по каменистой земле горы, убедил стариков: духи дали добро и не станут тревожить новых жильцов.

Все здесь было любо Сандалу. Светлые боги и добрые духи не оспаривали главенства Белого Творца над собой и мирами. Заклинания приносили удачу, лечение шло успешно. Как выяснилось позже к удивлению и потаенной радости жреца, в Элен не было соперников шаманов. Не так давно три шамана и удаганка – больше в долине и не водилось – куда-то запропастились. Люди сказывали, будто их уничтожил заезжий колдун. Правда, были Хозяйки Круга, три почтенные старухи горшечницы, ведавшие магические тайны и лепное вещество Земли. Но они, к счастью, казались какими-то отрешенными, думали больше о чем-то недостижимом для простого человеческого разума.

За десять весен подопечные Сандаля научились большей части того, что он знал и умел сам, и приблизились душами к Белому Творцу. После схождения к каждому божественного знака Сандаля провел обряд Посвящения в озаренные. По истечении еще нескольких весен в селенье жрецов с просьбой принять их явились двое юношей. Один ведал в травах и получил имя Отосут – Травник, второго, что правил кости, назвали Абыром – Благодетельствующим. Они также возмужали опытом и наукой.

Постепенно Сандаля почувствовал себя частичкой народа Элен и научился слагать красивые молитвы на местном языке. Священное слово ценилось тут выше кузнечного молота, шаманского бубна и воинского меча. Сандаля принял к сердцу и здешнюю веру. Да особо и принимать нечего – всюду един Творец!

Озаренные – так и в долине стали теперь называть жрецов – брали за труды у людей ровно столько, сколько было нужно для скромной жизни. Не держали скота, не ели мясного и рыбного – не оскверняли себя плотью имеющих кровь. Одевались в белые дохи со звонкими колокольцами, которые означали уровни небесного знания и отпугивали злых духов. Люди привыкли к жрецам. Не представляли теперь без их благословения ни охоты, ни строительства, ни праздника. Не говоря уже о лечении людей и домашних животных. Сандаля же, пользуясь особым почтением, был не только главным жрецом, но и обладал голосом, почти равным голосу старейшины и багалыка на Малом сходе.

Даже в невезучие дни он ни разу не пожалел, что остался в долине. Исчезла бродяжья тяга. Только в Элен хотел жить отныне, именно отсюда мечтал когда-нибудь уйти по Кругу. Старался забыть о прошлом, хотя мог бы собрать воспоминания старцев, шаг за шагом исследуя время назад. Но жрец предпочел не знать, почему несмышленым младенцем оказался вдали от родины в руках старого гилэта, – скорее всего, врага, а не родовича, и почему был нужен этому человеку. Сандаля больше не хотел размышлять об истории своего происхождения, боясь сам не зная чего. Да и зачем трудить душу поисками, возможно, вовсе бесплодными? Он жаждал быть родным и желанным жителем Элен. Таким-же-как-все и одновременно – Лучезарным. Он нашел, что искал.

Домм пятого вечера Изломанный день

«Эко память мою развезло, – подумал Сандал с неудовольствием. – Мысли мелькают, как крылышки мотыльков. Прошло, пожалуй, время варки мяса, пока тут стою». Поежившись, почувствовал, что его вот-вот приморозит к ногтю Каменного Пальца.

Очиститься не удалось. Придется сойти, пока голову не загрузили загрязняющие вход в небеса темные мысли сегодняшнего сна. Жрец начал спускаться. Цепляясь за веревки, привычно нащупывал подошвами узкие, знакомые, как собственные ладони, выступы щербатых ступеней. Тело разгорячилось в спуске. Завидев травника Отосута, молодцевато выпрямился, с виду румяный и бодрый:

– Остальные где?

– В долине, – махнул рукой молодой жрец, растирая корешки в ступке. – Меня оставили снадобье готовить. Табунщик приезжал, Кыта́нах-старик. Сказал, что жеребята в горном косяке животами маются.

– Ясно. – Сандал зашагал к своей юрте.

У входа Отосут окликнул:

– Что-то воинов из лесу долго нет. Не провести ли нам обряд, отводящий зло?

– Незачем, – буркнул главный жрец.

Травник отозвался, повременив:

– Да, наверное, рано. Может, ветвисторогих набили много. Но все же как-то не по себе. Задержались...

Сандал плотно закрыл за собой дверь, давая понять, что разговор окончен. Сколько же дней прошло после того, как Хорсун увел войско за горы? Кажется, вернуться должны были позавчера.

Жрец встрепнулся: обозначил ли он наступление нового дня на костяной пластинке счета времени?.. Ох, забыл! Или все-таки пометил? В первый раз с ним случилось подобное.

На пластинку наносятся дни семи солнц – это седмица. Она называется малым осуохаем. Из четырех седмиц с появления в небе новой луны слагается средний хоровод месяца, когда луна рождается, живет в полную силу и стареет. Из двенадцати полных лун вырастает большой хоровод года. Надрежешь лишнюю полоску – споткнется, спутается слаженно танцующий осуохай времени.

Колеблясь, Сандал взял нож для нанесения насечек: вдруг знак уже есть? Если попросить у Отосута его пластинку и сравнить число насечек, молодой жрец сразу поймет, что у главного с головой не все в порядке... Неудачный день сегодня! То нелады с памятью, подсовывающей ненужные воспоминания, то не смог дожидаться божественного знака. Да еще неприятности с упрямым багалыком. Сказали – десять дней, так нет, разве послушается, заносчивый! Никто ему не указ!

Сандал досадливо прикусил губу. Его отношения с Хорсуном были более чем холодны. Багалык не терпит ведьм, колдунов и шаманов. Тут он прав, это черные люди, посланцы исподней Джайан. У их дара разрушительная сила. Обряд Посвящения в шаманы совершают бесы. От дыхания сильных чародеев в разгаре лета желтеют листья ближних деревьев. Шаманы общаются с темными силами и смертью Ёлю... Но Хорсун и озаренным не доверяет! А ведь жрецы

действуют от Имени самого Белого Творца. Благословляют только на доброе и молятся обо всех людях – вот в чем разница между ними и другими... волшебниками.

Сандал сердито качнул остроухой шапкой, снял ее и забросил на лежанку.

Ну, может, у кого-то из жрецов нет волшебного дарования, зато велики знания и опыт! Озаренные выше всех, они знают Создателя сердцем и теменем – светочем мыслей. Ох как же мешает недоверчивый багалык наладить в Элен жизнь, достойную предков! Все мерещится ему, что главный жрец претендует на власть. На управление Малым сходом и чуть ли не дружиной! Никак не забудет о том, что Лучезарный – чуженин. Откуда знать не хлебавшему горя Хорсуну, сколько дорожных посохов истер Сандал о земную твердь, прежде чем найти свою истинную землю!..

Хорсун смертельно обидел жреца в первый же год прихода в Элен, а был еще зеленым мальчишкой. Едва-едва миновал воинское Посвящение. Это случилось на Большом сходе, когда Сандал объявил о строительстве жреческого селенья под Каменным Пальцем. Старшины дали добро задолго до собрания. Жрец уже не раз обнаружил свои недюжинные навыки и опрометчиво полагал, что людское доверие окончательно им завоевано. Сопротивления и помыслить не мог. Но вдруг послышался вызывающий юный голос:

– Не верьте ему!

Народ зашумел, задвигался. Все обернулись к неучтивому крикуну, которому и слова-то не давали. А тот продолжал:

– Утверждающие, что имеют волшебный дар-джогур, – лгуны! Трое наших чародеев испарились, четвертый совсем заврался. Только мы вздохнули свободно, как появился этот... лучезарный и снова начал морочить головы людям!

Парня больше не захотели слушать. Аймачные замахали руками:

– Побойся Белого Творца, подумай, что говоришь! Грех, грех! Как можно недобро поминать умерших? Как не стыдно в глаза поносить озаренного человека?!

– Выходит, заглазно – можно? – ухмыльнулся дерзкий.

– Я – не шаман, – мягко попытался объяснить Сандал. – Я – жрец.

– Кто дал тебе сверкающее имя? – успел насмешливо выкрикнуть Хорсун, после чего его вытолкали вон из круга схода.

Люди совестились поднять на Сандала глаза. Аймачные принародно попросили у него прощения вместо зарвавшегося мальчишки, оправдывая его грубость ранним уходом отца-воина из Срединного мира. Не успел научить сына, как надо почитать старших. Жрец кивнул – чего еще ожидать с недовоспитанного...

А долгие весны спустя, вопреки сопротивлению осторожных и мудрых людей, сход эленцев неожиданно выбрал Хорсуна багалыком. С тех пор невежа не однажды мог убедиться, сколько хорошего приносят долине жрецы. Сандал все надеялся: однажды багалык одумается, придет и сам повинится. Но тот не пришел. И по сию пору продолжает хмурить при встрече широкие брови. Смотрит свысока, если вообще в сторону лицо не воротит. Кичливый шлем Хорсуна издали кричит о гордой крови своего хозяина из рода восьмикрылого орла...

Сандал укоризненно цокнул языком. Совсем потерял страх багалык! Нельзя так открыто заявлять посторонним, к какому роду принадлежишь. Все, у чего есть душа, имеет собственное имя. Только свое, ничье больше. В нем спрятана глубинная суть. Имя рода, имя человека – слова с чарами. Негоже сообщать их всем и каждому, раскрывать причастность к тому или иному зверю-птице – своему родовому господину. Вредные духи могут услышать. Начнут кликать, заблудят, с ума сведут, похитят злосчастную душу!

Раньше даже названий местностей не произносили. Выискивали для их упоминания обходные слова. Назовешь озеро громко – обидится водяной дух, рыбы не даст. Поэтому реки и озера звали бабушками, горы – хозяевами. Охотник и посейчас собирается за добычей молча, разговаривая шепотом с одним лишь огнем-посредником.

Но о многом нынешние люди не боятся говорить без утайки. Бывает, тяжелые, схожие с бесовскими слова камнями вылетают из уст злоречивого человека. Глупые бабы рассказывают сказки о чертях невинным детям. Того и гляди вслух затвердят ни под каким видом произносимое, несущее беды имя правителя Нижнего мира. Знали бы подлинное Имя Белого Творца... Чего хорошего, Его бы стали повторять все!

Горячая волна гнева прилила к сердцу Сандала. Разозлясь, строгающий лучину жрец чуть не порезал палец. Присел перед разгоревшимся камельком, пробормотал краткую молитву духу – хозяину огня. Пламя ответило – качнулось в глиняных стенках жерла...

Незачем сердиться на неразумных. Если случится, что кто-то неосторожно выскажет возвышенное Имя Творца на языке саха, вряд ли это повредит Богу богов. Имен у Него по всему свету великое множество, но Истинное ведомо лишь озаренным. А у жрецов Его и пыткой не вырвать из сердца.

Сандал вздохнул. Ну, хоть Большую Реку-бабушку, самую многоводную, многоветвистую реку Орто люди пока не величают по имени, хотя оно всем известно. И то ладно.

Он все-таки сделал насечку на пластинке. И только отложил, как во дворе будто множество разъярившихся людей и зверей начали драться, заорали-завыли на разные голоса. Вдалеке что-то грохнуло, отдавшись в земле гулкой, протяжной дрожью. Должно быть, изрядный камень обрушился на берег с верхушки одной из причечных скал.

В дверь всунулся Отосут, известил торопливо:

– Буря с грозой!

Сандал вначале не поверил. Какая еще гроза осенью? Выбежал во двор, и тут же тень грозовой тучи накрыла горы мрачными сумерками. Два ветра, северный и восточный, затеяли жестокое побоище. Их вопли по всем ущельям полоскало взбудораженное эхо. Вынув оконную раму, пока не разбилась слюда, Сандал заткнул окно шкурой с лежанки.

Деревья с треском гнуло туда-сюда, словно какой-то невидимый великан таскал их за космы. Струя лютого шквала вынесла из леса встрепанную кукшу и, с размаху швырнув о камень, размозжила голову птице. Жрецы кинулись ловить сорванные с изгороди, летящие по воздуху туеса, но скоро бросили спасение посуды, забежали в юрту Сандала – самим надо было спастись.

Разразилось настоящее светопреставление! Горы дрогнули от неслыханного, закладывающего уши грома. В порывах сквозного вихря надежная юрта затряслась и затрещала. И тут же зашатались крепи Вселенной, накренились столбы-опоры миров! Небо разверзлось, хлынув на землю.

– Ох что в долине делается! – запричитал добросердечный Отосут. Он всегда чрезмерно тревожился о людях.

Град замолотил. Сандал испугался, как бы не проломило хорошо утрамбованную крышу юрты. Сидели, бессильные что-либо предпринять. В глазах стояло страшное видение: черная буря металась между утесами, грызла-рвала деревья, ревела обезумевшим зверем. В месиво превращала клочья кустов, обломки сучьев, исковерканных птах, щепки, песок, хвою и листья, точно вздумала закутаться в толстую шкуру тайги...

Но не прошло четвертой части времени варки мяса, как грохот пошел на убыль. Ветра утомонились, разнятые, может, вмешательством свыше. Избитый лес застыл – словно воины окаменели на поле боя. Распались, усеяли землю изжеванные и выплюнутые бурей огрызки. На горы свалилась тишина, внезапная, как буря, и такая же зловещая. А потом резко посветлело. Вспугнутое ветрами солнце решилось выступить из-за сопки и отправилось по освобожденному от туч пути к западу. Все перемены свершались сегодня быстрее, чем бывает обычно. Жрецы еще немного повременили, пока мокрый снег за окном не начал оттаивать. Приладив раму к окну, травник вопросительно взглянул на Сандала:

– Пойти, что ли, помочь нашим?

Наверное, товарищи в долине с ног сбились. Ждали их. Народ нуждался в помощи молитв и просто в рабочих руках до наступления ночи. Кто знает, что наделала буря. Могла навредить людям и животным, взять себе кровавую жертву.

– Иди, – взмахнул слабой рукой Сандал. – Я останусь. Помолюсь за вас.

Отосут удивился бы и не поверил, что главный жрец иногда не в силах справиться с дурным настроением и таким малым недомоганием, как головная боль.

Спина Отосута в окне исчезла за плитняковой стеной расщелины. Книзу спускалась каменистая тропа. У обреза ее скопились не заметенные снегом трупки белокрылых клестов и синиц. Сандал со стоном повалился на лежанку.

Все кругом куда-то уплывало и двоилось, будто не только он сам, но и мир вместе с ним потерял устойчивость. Неужели нечто чудовищно тяжелое, чего не в силах вынести земля, выбралось из Джайан? Как иначе объяснить этот изломанный день, измолоченный лес, грозу в Месяц опадания листвы? Будто чье-то предупреждение... Чье?

Отчаянно захотелось очиститься. Взойти на Каменный Палец, снова попробовать вызвать божественный знак. Пока солнце в зените... Жрец приневолился встать, вскипятил ледовую воду. Пошарил на полке с горшочками непортящихся снадобий: муравьиная кислота, яд гадюки, порошок из жука-плавунца, сушеный медвежий язык... Все не то, не то... Ох, вот он, горшочек с Каменной смолой, в самом углу. Сандал бережно отделил от желтоватого комочка частицу чуть меньше мушки. Распустил ее в деревянной чаше, окуренной можжевельником.

К зиме смола вытекает из щелей плитняка, застывая густой накипью. Да не везде, попробуй еще найди. Жрец почитал это вещество лучшим средством от многих недомоганий, особенно от угнетения мыслей и сердца. Правда, вкус нехороший. Вроде зазеленевшую медь во рту подержал, и вяжет сильно... Ну, на то и лекарство, не лакомство же... Выпил полную чашу. Одедся потеплее на всякий случай. Бури уже не будет, но может вернуться снег.

* * *

Дверь отворилась со скрипом, словно отсюда не выходили недавно. Сбоку ее придавливал холмик нанесенного града. Сандал с изумлением прихватил в ладонь неправдоподобную градину. Размером она была с птичье яйцо, увесистая и каменно твердая на ощупь. Так вот что поколотило птах и не успевших спрятаться в дупла и норы зверушек! Впрочем, град оказался не всюду такой крупный. Лишь у тропы обнаружили еще два шершавых бугорка, похожих на горки крысиных черепов.

На утес жрец взбирался, отдыхая через каждые пять ступеней. Сердце трепыхалось в глотке, в голове творились хаос и страх. Последнюю ступень одолел ползком, перегнувшись над выступом пополам. Впервые за многие весны почти ежедневного восхождения едва не сорвался с лестницы. Лежа на краю, взголосил сжатым судорогой горлом:

– Белый Творец!..

А больше не смог ничего сказать. Валялся как убитый. Но понемногу солнце и легкий восточный ветер высушили на лице холодный пот. Огладили лоб и щеки, не резко – тихо, ласково, будто мягкой теплой рукой. Мало-помалу стук в груди прекратился, ноги перестали дрожать. Корни памяти, что кроются в сердце, наконец освободились от подавляющих дум. Сандал поднялся, цепляясь за скальную приступку-ноготь. От наплывов ветра голова было вновь закружилась, но мгновение спустя почувствовал себя почти совсем хорошо. С наслаждением набрал полную грудь чистого горного воздуха. Знать, подействовали восстанавливающие силы Каменной смолы.

Обозревая невинно ясный небесный свод, жрец размышлял. Те ли это небеса, дарующие Орто постоянство времен года? Отчего нынче все спуталось – летняя гроза, осень и зимняя буря-метель? Земля проснулась от грома и молний, как лесной шатун, только что залегший

в берлогу. Разбудила шальная стихия посреди сладкого сна! Растения встрепенулись. Гроза дала надежду проклюнуться почками и стрелками их неотдохнувшей плоти. Звери в смятении зализывают раны, их осенний настрой тоже сместился и потрясен.

– Неужели Создатель отвернулся от нас, ничтожных? – пробормотал жрец тихо и сразу пожалел о сказанном. Не услышал ли его упрека Творец?

...Нет, не мог Всеблагой знать о произнесенном вне озарения.

Землю словно обмакнули в белую глину, которой хозяйки высветливают пятнистые кожи. Немало деревьев буря выкорчевала с корнями, да под снежным покровом не видно. Сандал привычно нашел глазами Матерь Листвень. Спокойно стоит великая лиственница. Гордая осанка ее все так же стройна, только зимней сединой взялись высоко вознесенные ветви. Внутри дерева, в самой его сердцевине, окруженной бесчисленными кольцами весен, живет дух Земли, матушка-хозяйка Алахчина.

Сандал, помнится, удивился и взволновался, когда впервые услышал это имя. Оно было схоже с названием канувшего народа, который повествовал о себе знаками в укладке-домме. Случайно ли?

Ствол древа, теряясь в небе, становится прозрачной коновязью небожителей. В наверху сидит восьмикрылый орел Эксэю. Четыре его головы зорко следят за происходящим в четырех направлениях света и четырех между ними. Виток за витком опускаются весны в Коновязь Времен, творя вечность... Старики говорят, что вечности не существует, а есть круговорот весен. Просто падающее в коновязь время очищается в ней и возвращается обратно на Орто и в другие миры.

На девяти небесных ветках Матери Листвени растут золотые орехи, тяжелые, как полные кумыса чороны. Созревая, орехи падают на громокипящие небесные слои и раскалываются. Молоко Алахчины проливается из них пенными озерами. Пушистые волны бьются о берега кёрчеха, розовые от взбитых со сливками ягод. В озерах чашами-люльками плавают ореховые скорлупки со спящими душами тех, кто еще не родился и ждет своей очереди жизни. Исполинские корни лиственницы проникают в исподнюю землю. Чтобы черти не могли прогрызть их и высосать живительные соки, корневые ветви загибаются над черными тучами страны Джайан. Возвращаются в Срединный мир цветущими молодыми деревьями...

Мысли жреца спугнуло мимолетное видение. Поблазнился мелькнувший в горных подступах огонек. Словно кто-то махнул рукой у Скалы Удаганки меж долиной и обителью озаренных.

Сандал всмотрелся в надменное лицо скалы. Отсюда оно представлялось на удивление живым. В темноте глазниц чудился яростный блеск, будто чародейка, оставившая свое изваяние в камне, а память – в звездах, в чем-то упрекала жреца. Брови сошлись в переносье, горбатый нос навис над гневно сжатой линией рта... О, эти вечные притязания и недовольство женщин!

Никто не знает, посланницей какого мира она была, удаганка из древней легенды. Воинственные жрицы носились по мирам на стремительных белых конях и жили, где останавливала их прихоть.

Скала с сердитым женским лицом мешала Сандалу. Казалась не просто лишней в безупречном спокойствии гор, но и святотатственной.

Жрец в тревоге потряхнул стелющимися по ветру волосами. За голышом-валуном, что закрывал сбоку маленькую пещеру в скале, впрямь сверкнули языки огня! Сандал повернулся к спуску... а как же молитва? Отложить на завтра?

Что ж, быть по сему. Пусть изломанный день уйдет в память и все встанет на свои места. Нет больше сил вызывать божественный знак. Завтра утром мольба Верхнему миру вознесется втрое и девственной зарею омоет душу от скверны... Не в последний же раз всходит над

Элен солнце! К тому же – жрец заторопился – надо поскорее выяснить, кто и зачем развел в пещере огонь.

Сандал спустился так проворно, что даже не сообразил, как очутился на земле. Поспешил к юрте, а там переоделся в доху полегче и захватил махалку дэйбир. Ею отмахиваются не только от комаров – какие сейчас комары! – но и от злых духов.

* * *

Лес полнился журчанием, треском, скрипами и неясным, тревожным шорохом. Повсюду лежали поваленные бурей деревья. На успевших проталиться тропах бугрились горки крепкого града и покрытые куржаком мертвые птицы. Жрец выбирал островки посуше и прыгал, как заяц, но выдержанные в медвежьем жире подошвы торбазов все равно скоро захлюпали. Влажные ноги быстро замерзли. Сандал остановился, выбросил волглые стельки из стриженной оленьей шерсти. Надергал из-под снега сухого ягеля, набил им обувь.

Еще какое-то время раздражал холод в ступнях и сердце щемило от вида покаленного леса. А потом жрец забыл обо всем: за камнем в глубине пещеры впрямь полыхал огонь.

Это было не простое пламя. Ослепительно белые, окаймленные золотыми покротками сполохи рвались к потолочному своду. Едва Сандал зашел за валун, языки огня угрожающе выгнулись к входу и застреляли палящими искрами. Жрец нагнул голову, держа дэйбир вверх рукоятью.

– О светлые духи и ты, божественный огонь! – прошептал в великом волнении.

Ни с каким другим не мог он спутать священный огонь высших солнечных духов. Такой же ясный и гордый, но гораздо меньше, горел в очаге молитвенного дома в давно покинутом селении верховного Ньики.

Огонь пел горячую песню. Грозно гудел раскатистый небесный звук, гулко отдаваясь в почве и камне: «Домм-ини-домм! Домм-ини-домм! Домм-ини!» Бело-золотой костер закружился кольцом в северо-восточном углу. В просветах между живыми трепещущими языками виднелось темное пятно. Кажется, какой-то диковинный зверь, утаенный внутри.

Сандал нерешительно приблизился. С трудом припомнил полузабытое заклинание отворения дверей, которым баловались до Посвящения молодые жрецы. Произнес его несколько раз, но пламя рокотало ровно, слепящие сполохи взлетали слаженно, как лепестки первоцвета на ветру. Не хотели расступаться, роняя на пол жгучие огненные капли.

– Домм-ини-домм! – трижды проговорил, догадавшись, жрец, подражая небесному звуку... И, словно это был ключ, кольцо медленно разъяслось.

В изумлении Сандал вскинул ко рту ладонь: в центре круга лежала женщина... Жрица! Только жрицы огня удаганки умеют пробуждать божественный огонь... А ведь здешние люди утверждали, что древнее удаганское учение давно позабыто! Значит, есть еще помнящие?

Откуда она? Кто такая? Может, не из Элен? Как очутилась в пещере?

Раз уж сам напросился, Сандал вошел в круг. Пламя снова сомкнулось за ним. Оглянувшись с опаской – потом как бы выйти отсюда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.